

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 31 • ноябрь • 1986

КОРОЧЕ!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

БУДЕМ ХОЗЯЕВАМИ!

На дворе осень. Яркая, нарядная, приводящая на память знаменитые пушкинские строки. Но очи лириков и сатириков чаруют не только «в багрец и золото одетые леса». Мы радуемся полновесному золоту хлебных закромов, сочным плодам земли на нашем столе, укрытым надежными крышами корпусам новых заводов, клубов, больниц, детских садов...

Нынче дни «пышного природы увяданья», честно говоря, не очень-то баловали москвичей хорошей погодой, несмотря на все старания синоптиков. И все же, особенно по субботам и воскресеньям, даже в ненастье нам казалось, что веселое солнышко юга прорывает дождевые тучи средней полосы — так пестры, так щедрты были столичные рынки с небывалыми прежде ярмарками — молдавскими, узбекскими, азербайджанскими... Многотысячекилометровый конвейер «поле—прилавок» действовал безотказно, убеждая нас в том, что все возможно, если захотеть и суметь. Хорошо бы — не на один сезон и не только в Москве. Хорошо бы сделать это традицией — деловитость, инициативу, оперативность.

Нет, не одних лишь цыплят по осени считают. Нынче страна ведет особенно точный, особенно строгий подсчет тоннам, километрам, рублям, киловаттам, которыми измеряется сделанное народом в самом начале большого и сложного процесса, названного простым, но удивительно емким словом *перестройка*. Эта осень итожит наши успехи в огромном деле, основные параметры которого, пути и средства их достижения были намечены минувшей весной на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС и развиты, уточнены, закреплены весной нынешней в исторических решениях XXVII съезда. Итожит честно, спокойно, деловито и, как уже сказано, строго. А строгость эта, вообще присущая экономике, нынче еще и оттого, что мы не хотим больше баюкать себя дутыми цифрами и липовыми реляциями.

Анализируя сделанное за минувшие полтора года работы в ритме ускорения, выверяя курс, вскрывая и устраняя недостатки, с полным основанием, с гордостью говорим себе: мы — можем! Нам по плечу намеченные партийными планами, потому что эти планы наши. Нам по сердцу, что отныне выполнять их мы будем не любой ценой, а той, единственно — экономически и нравственно — верной, которая складывается из честного, творческого труда каждого — от рабочего до министра. Из душевного горения и профессионального умения.

На дворе осень... Вместе с ней приходит к нам наш самый главный праздник. По давней и доброй традиции мы встречаем его трудовыми подарками. Сегодня они должны быть особенно весомыми. Но при этом им не нужна, им просто противопоказана старая аранжировка из пустой трескотни и высокопарной риторики. Ленинские традиции зовут нас, отмечая праздник революции, не красноречивать, а говорить о не решенных еще вопросах ее.

Вопросов таких много. Сложных, новых, решаемых не в одночасье, не посредством закидывания шапками. Предостерегая от этого, партия прямо и смело говорит народу:

«Перестройка не разовый, одномоментный акт, а процесс, который будет протекать в рамках определенного исторического периода. Мы живем с вами в переломное время. Страна проходит в своем развитии очень важный этап. Происходит крутой поворот в жизни советского общества. И если мы все — в Москве, в республиках, краях и областях, трудовых коллективах, в партийных, государственных, общественных организациях будем всегда помнить о важности нынешнего момента, о переломном его значении для наших судеб, для нашей страны, нам легче будет осознать значение самой будничной работы, которую каждый из нас выполняет, увидеть большое в самом малом, в самом обычном».

Будничная работа... Ныне, в условиях расширения советской демократии, она требует от каждого из нас государственного подхода к делу, высокой человеческой и гражданской ответственности. Она подразумевает бескомпромиссную борьбу со всем, что тормозит, замедляет ускорение, ибо впереди — не накатанная дорога, обсаженная благоухающими цветами, а путь, во многом неизведанный, нами торимый. И потому нам не попутчики бюрократизм и перестраховка, волокита и очковитательство, разгильдяйство и пьянство. И потому они мишени для нашей сатиры, острого слова и решительного дела, за этим словом следующего. Сегодня на мушке фельетониста, сатирика, публициста — демагог, подстраивающийся под перестройку и забалтывающий ее прекрасноречивыми речами; хапуга, рвач, анонимщик, дискредитирующие идеалы нашего общества, его коммунистическую нравственность; чиновник, боящийся света гласности; ремесленник, изготавливающий серые книги, спектакли, фильмы.

Эти типы не уйдут сами. Но иное время нынче на дворе, иная погода. Теперь в наших руках надежные инструменты — постановления партии и правительства, позволяющие побыстрее навести порядок и чистоту в большом советском доме, сделать все, «чтобы и воздух, и атмосфера в нем были подходящие, чтобы можно было в нем жить и чувствовать себя по-человечески».

А для этого каждый из нас должен быть хозяином — своего слова, завода, колхоза... Своей страны.

Юрий БОРИН,
специальный
корреспондент
Крокодила

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Настроение было вконец испорчено.

Оно было испорчено дружными усилиями ряда тружеников общественного питания города Пярну, накормивших меня отвратительным обедом.

Я пробивался к этому обеду в огромной (на двести мест) столовой самообслуживания на пярнуском пляже. По мере моего продвижения к раздаче перечень блюд, вывешенный на стене, подвергался неистовой корректировке. К тому времени, когда я достиг заветной цели, меню, подобно балзаковской шагреневой коже, съезжилось до размеров маковой росинки. Из не слишком обширного списка остались две жалкие строчки: «Котлеты мясные с гар.» и «Морс».

«Котлеты мясные с гар.» являли собой нечто усохшее, холодное и без малейших признаков мяса. «Морс» же был прозрачным, как слеза ребенка, а на вкус ничем не отличался от водопроводной воды.

Многочисленная клиентура мо-

гучего очага питания молча поглощала все это, поскольку никаких других очагов в обозримом пространстве не наблюдалось, а голод, как известно, не тетка.

Забегая вперед, скажу, что на следующий день я посетил городской трест общественного питания, где имел содержательную беседу с заместителем директора Э. Меллер. Замдиректора популярно объяснила мне, что, во-первых, в город нынче летом понаехало много незапланированных отдыхающих, а во-вторых, собственных кадров, а также помещений в общепите остро не хватает.

— У нас в столовых, — удрученно сказала Меллер, — работают пэтзушники из Обнинска и даже из Самарканда, а что с пэтзушников возьмешь? Сами понимаете...

Сам я понимал. Единственное, чего я не мог взять в толк, это куда исчезло мясо из мясных котлет, а также почему власти города Пярну, имеющего ранг курортного, не в состоянии пооткрывать как можно больше столовых, кафе и прочих

РАСТЕТ ДРЕВО МИРА

Рисунок
М. УШАЦА.

точек общественного питания, чтобы отдыхающий люд не проводил свой отпуск в унылых очередях за тарелкой супа и порцией котлет...

Но беседа эта состоялась, как уже сказано, на следующий день. А сейчас, съев несъедобный обед, я бродил в размышлении, где бы выпить чашечку кофе, которым так славится Эстония.

Здание, где была эта злосчастная столовая, являло собой целый комплекс всяческих заведений: прокатный пункт, пляжная раздевалка, вечерний ресторан и даже «Семейная консультация». Но меня в данный момент не интересовали консультации специалистов по вопросам семьи и брака, мне хотелось только кофе и, если можно, с булочкой. Поэтому я спросил прохожего, где его подают.

— Видите, — сказал он, — вывеску «Видеосалон»?

— Вижу, — ответил я, — но при чем тут...

— Идите туда, — улыбнулся прохожий, — не ошибетесь.

Я поднялся по лестнице на балкон второго этажа, толкнул дверь, и... тут произошла почти мгновенная трансформация: из обычного дикаря-курортника я превратился в спецкора Крокодила. Ибо то, что я услышал, увидел и узнал, невозможно было не довести до сведения миллионов читателей. Я услышал веселый детский смех. Я увидел два ви-

сящих под потолком цветных телевизора, на экранах которых демонстрировался знаменитый сериал «Ну, погоди!» или что-то в этом роде. Я узнал...

Однако начнем сначала.

Сначала была статья в городской газете «Пярнуский коммунист», напечатанная вскоре после XXVII съезда партии. Написала статью делегат съезда Керсти Рей, недавно избранная первым секретарем горкома партии. Кроме всего прочего, в статье говорилось о том, что в Пярну есть немало пустующих нежилых помещений, которые неплохо бы обратить на пользу людям. Кто проявит инициативу?

Два друга — шофер Эльмар Лепп и рабочий лодочной станции Энн Калюмяз — обсудили статью со своими женами и на совместном семейном совете решили взяться. А что, если привести в порядок какое-нибудь помещение и на условиях семейного подряда организовать там, к примеру, небольшое кафе? Или лучше так: кафе для детей.

Впрочем, понятие «семейный подряд» появилось не сразу. Сперва друзья пришли в горком. Керсти Рей показала им руки и сказала, что поддержку гарантирует. После чего направила парней в управление торговли.

— Думаю, там вам предложат то, что надо, — сказала она.

Увы, ни в управлении торговли,

ни в тресте общепита Эльмар и Энн понимания не нашли. То ли работники торговли и общественного питания еще не получили указаний от своего министерства, как следует относиться к инициативе снизу, то ли слишком уж привыкли объяснять свои недоработки отсутствием кадров и нехваткой помещений и им не хотелось терять такую замечательную объективную причину.

И тогда друзья предложили свои услуги производственному управлению бытового обслуживания.

Говорит заместитель начальника управления Вейно Моор:

— У нас на пляже было довольно удобное, но сильно запущенное помещение, в котором мы когда-то принимали иностранных туристов. Мы предложили Леппу и Калюмяз отремонтировать его своими силами, оборудовать видеоаппаратурой и открыть видеосалон. На условиях семейного подряда.

Предложение мы приняли, — говорит Эльмар, — но хотелось, чтобы люди ходили сюда семьями, с детьми. В общем, нечто вроде семейного кафе...

Ремонтировали помещение сами: штукатурили, красили. На собственные деньги купили столы и стулья, телевизоры и стереосистему, в художественном фонде взяли под личную ответственность картины — кафе должно быть привлекательным и уютным.

И вот 21 июня нынешнего года состоялось открытие нового кафе под названием «Видеосалон». По условиям договора, заключенного между УБО и двумя семьями, входная плата с 12 до 21 часа — 50 копеек с каждого человека. С 21 до 24 часов — 2 рубля. Вечером, помимо мультфильмов, крутят эстрадную программу, желающие могут танцевать. И еще условие: никаких спиртных напитков. Это категорически.

На открытие пришла секретарь горкома Керсти Рей. И, как пишут в отчетах, другие официальные лица. Официальные лица вместе с детьми и взрослыми смотрели мультфильмы, пили кофе и соки через соломинку. Было весело, непринужденная обстановка располагала к приятному отдыху.

А потом нагрянули проверяющие.

Проверяли все: сколько денег получают супружеские пары — не слишком ли много? Какие видеозаписи показывают? Где берут продукты? Нет ли нарушений инструкций и правил при обслуживании клиентов? Не обвешивают ли? Не обмеривают? Не обчитывают?

Одни проверяющие сменялись другими: уходили представители Госкино, приходили фининспекторы, вслед за фининспекторами появились работники Министерства культуры, милиции, горисполкома...

Все убеждались: и подрядчики, и управление бытового обслуживания

ЕСТЬ ОТВЕТЫ МИНИСТЕРСТВ

«Есть вопрос министру» — так была названа наша новая рубрика. Почему мы решили периодически обращаться лично к руководителям отраслей? Да потому, что нам, честно говоря, надоело снова и снова выступать «По тому же поводу». Сколько можно? Наступает момент, когда хочется спросить самого министра: что он намерен предпринять, чтобы устранить те или иные огрехи, просчеты и недоработки?

В первой заметке под рубрикой ЕВМ (№ 19) мы задали вопрос сразу четырем министрам — А. Бабенко (Минвостокстрой), А. Майорцу (Минэнерго СССР), С. Башилову (Минтяжстрой СССР) и В. Решетилову (Минстрой СССР): почему их министерства так медленно и нехотя строят картонные фабрики, предназначенные для переработки макулатуры? Той самой макулатуры, с которой мы выстаиваем безразмерные очереди у пунктов приема вторсырья и которая столь необходима государству, поскольку позволяет экономить значительные лесные ресурсы.

С сожалением констатируем, что лично министры на вопрос не ответили. Видимо, посчитали его не столь серьезным. Ответили их замы. Заместитель министра (Минвостокстрой) В. Алферов критику признает и объясняет, что строительство картонной фабрики в Уссурийске задержалось из-за того, что площадка под фабрику была отведена в заболоченной пойме реки Комаровка. Но сейчас все уже улажено, площадка осушена, база стройиндустрии расширена, строители жильем обеспечены, и стройка, по утверждению т. Алферова, идет полным ходом. Ввод фабрики в Уссурийске намечен на 1989 год.

Заместитель министра (Минтяжстрой) А. Кондрашов тоже признает критику Крокодила справедливой и заверяет, что Рубежанский картонно-бумажный комбинат вступит в строй не позднее 1988 года.

Правда... совсем недавно произошла реорганизация строительных министерств, в результате чего картонно-бумажный комбинат в Рубежном (Украина) перешел под опеку Минстроя УССР. Будет ли новый хозяин стройки выполнять обязательства предыдущего?..

Что же касается двух других министров (т. А. Майорца и В. Решетилова), то они не только не собрались ответить лично, но даже не поручили сделать это своим замам. И хотя строительство, например, Кишиневской картонной фабрики с сентября этого года уже не подведомственно министерству, которым руководит В. Решетилов, мы все же хотим напомнить обоим уважаемым руководителям, что партийные требования относительно своевременного и должного реагирования на выступления печати распространяются на всех. Тем более, что номер 19 журнала вышел в начале июля, то есть когда стройка еще подчинялась Минстрою СССР.

О строительстве Кишиневской фабрики нам рассказал секретарь ЦК КП Молдавии В. Семенов. Он сообщил, что создавшееся положение на стройплощадке стало возможным «в результате неудовлетворительного исполнения функций заказчика Госнабом Молдавской ССР и недостаточного контроля за ходом работ со стороны Минстроя республики и Главмолдавпромонтажа Минмонтажспецстроя СССР». ЦК Компартии Молдавии обратил на это внимание министра строительства республики т. Узуна, председателя республиканского Госнаба т. Парфенова, начальника Главмолдавпромонтажа т. Борца и потребовал обеспечить выполнение заданий этого года с тем, чтобы ввести в строй первую очередь фабрики уже в 1987 году.

Итак, обещания даны, указания получены. Изнывающий от макулатурного бремени Крокодил, а вместе с ним миллионы макулатуросдатчиков кровно заинтересованы в том, чтобы за словами последовали дела. О чем Крокодил будет информировать своих читателей.

— Не мешайте работать!

Рисунок В. МОХОВА.

выполняют пункты договора безукоризненно. Подрядчики были обязаны: использовать приобретенное ими имущество, продавать кофе, соки и кондитерские изделия по государственной цене, отчитываться за проданные билеты, соблюдать режим работы, платить за электроэнергию, аренду помещения, оплачивать накладные расходы, убирать помещение и т. д. Заказчик был обязан поставлять напитки и кондитерские изделия, обеспечивать видеозаписями по согласованию с Госкино, обеспечить кафе рекламой. Подрядчики вносили в государственную казну одну треть выручки. И если в месяц они выручали три тысячи, то две тысячи оставляли себе, поскольку требовалась компенсация затрат на оборудование и ремонт. Такой расклад был выгоден и УБО, и подрядчикам. Это было по справедливости.

Нет, решительно не к чему было

придаться проверяющим. И тем не менее комиссии являлись чуть ли не ежедневно. «Семейный подряд — да ведь это какая-то частная лавочка!» — пугались контролеры. Удивительного ничего в этом нет. Всякое новое дело смущает, заставляет сомневаться: «Как бы чего не вышло...»

Между тем «Видеосалон» осаждал толпы желающих туда попасть. Записывались заранее. Стояли в очереди. Лепп и Калюмяз установили порядок: сеанс каждый час. Час — и сменяется контингент посетителей. Новая группа ребятшек и взрослых заполняет зал — восемь столиков по четыре места за каждым.

Жены разносили кофе и соки, мужья включали и выключали аппаратуру, сменяли пленки. А после полноты все вместе мыли посуду...

Книга отзывов пухла от восторженных записей. Я полистал эту любопытную книгу. В ней были отзывы

на русском, эстонском, финском, шведском, английском, немецком и еще бог знает каких языках. Авторы записей благодарили хозяев за отличное обслуживание и хорошее настроение.

Признаюсь: мне тоже было хорошо в этом гостеприимном кафе. Я ходил туда несколько дней подряд. Сперва мне подавала кофе Вирве, жена Эльмара. Потом Юлле, жена Энна. (Каждая семья работает по неделе. Свободную неделю занимается доставкой продуктов, подбором видеозаписей.) Я пил свой кофе с какими-то немислимыми коржиками и думал. Я думал о том, почему так робко и медленно внедряется в жизнь семейный подряд, в основе которого — личная заинтересованность людей? Та самая заинтересованность, которой так не хватает в сфере обслуживания.

Вейно Моор сказал мне, что в Эстонии уже есть прачечные на се-

мейном подяре. В Латвии тоже собираются открыть ряд кафе, в которых будет внедрена эта форма производственных отношений. Правда, на вопрос корреспондента, когда это произойдет, руководитель общепита Латвии ответил уклончиво: как только поступит распоряжение свыше.

Ах, как мы боимся инициативы снизу! Как пугаемся всего непривычного, не укладывающегося в заданные рамки положений и инструкций. А ведь именно инициатива людей — пружина перестройки, тот золотой ключик, который был до поры до времени спрятан, как в сказке о Буратино.

И еще я думал о том, что семейный подряд, который будет внедрен в маленьких кафе и прочих точках, обязательно заставит подтянуться и вышеупомянутые могучие общепитовские очаги.

Эстонская ССР.

Покажите мне человека, который не хочет хорошо выглядеть, и я занесу его в книгу курьезов. Красивыми хотят быть все.

Из того же естественного желания иные руководители разных рангов приписывают в отчетах цифирку-другую, добиваясь особой административной красоты.

И вот уже полощутся по ёзтру стяги, стройные колонны вливаются на стадионы и спортплощадки, звучат фанфары, и бодрый голос торжественно рапортует о всевозрастающем числе физкультурников. С каждым годом голос становится все бодрее, а цифра систематически занимающихся физкультурой и спортом звучит величественней и фантастичней, пока не достигает немислимости: почти сто миллионов человек сдают ныне нормы ГТО, бороздят дорожки бассейнов и бескрайние просторы футбольных полей.

Перехватывает дыхание от восторга, и хочется уже вместо фельетона писать приветственный адрес.

Леонид ПРУДОВСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

ФИЗКУЛЬТУРНИК ОТЧЁТНЫЙ

● КАК СТАТЬ КРАСИВЫМ? ● ТЯЖЕЛАЯ БУМАЖНАЯ
АТЛЕТИКА ● КТО ИЗОБРЕЛ ВЕЛОСИПЕДИСТОВ? ●

Но, увы, сан сатирика вынуждает покуда воздержаться от приветствий.

Как и положено, вначале было слово. Вернее — письмо. Письмо позвало в дорогу. В старинный Елец к бывшему председателю Елецкого районного спорткомитета т. Лопухину.

А сообщал в своем письме Георгий Сергеевич, что с ним расправились за критику и желание навести хоть какой-то порядок в спортивных делах района. Схема расправы этой была довольно банальна: сначала обвинили во всех должностных грехах, потом даже побили — те, кого он критиковал (правда, суд не нашел подтверждения этому факту), а затем уволили с работы по статье. И за всем этим вставал злой гений, этакий Мефистофель, соблазнитель слабых исполкомовских душ — бывший председатель районного совета ДСО «Урожай» товарищ Слащев. Это он полностью развалил спортивную работу в районе, он набрал себе подобных помощников Коршикова и Панарина, это по его инициативе уволенный Панарин избил несибаемого Лопухина, наконец, это он же был в родстве со всеми — от исполкомовского начальства до работников милиции, прокуратуры и суда.

Отдавая должное честности Лопухина, автор, тем не менее, обязан быть объективным. Почти не оживил физкультурной и спортивной работы Георгий Сергеевич. Ограничился он писанием приказов и распоряжений. Как и раньше, зарастали бурьяном спортивные площадки, хирели секции, а в районе тем временем шла отнюдь не спортивная борьба между спорткомитетом и ДСО «Урожай». В борьбе этой использовался весь арсенал запрещенных даже в боксе ударов ниже пояса: от анонимок до слежки и подтасовки фактов.

Не в последнюю очередь такая неспортивная ситуация возникла оттого, что спорт на всей нашей бескрайней территории находится в двойном подчинении: спорткомитетов и добровольных спортивных обществ. Причем, чтобы никого не обидеть, всем сеграм раздали по серьгам: законодательная власть находится в распоряжении районных и городских спорткомитетов, а реальные деньги — на строительство спортивных сооружений, приобретение формы и организацию соревнований — в руках обществ. Вот и получается, с одной стороны, — власть без денег, а с другой — деньги без власти. Что, как вы понимаете, не может не отразиться.

Рисунок А. БАВЫКИНА,
г. Мурманск.

И отражается. В своем выступлении на пленуме Елецкого РК КПСС его первый секретарь А. В. Антипов прямо сказал, что из 33 футбольных полей в районе большинство находится в плачевном состоянии, ни один из 4 тиров не работает в полную нагрузку, в спорткомитете и ДСО нет даже перспективных планов, а ставки инструкторов-методистов производственной гимнастики используются не по назначению. На них зачислены секретари комсомольских организаций и секретари-машинистки.

Впрочем, бывший заместитель председателя Елецкого райисполкома В. М. Трофимов другого мнения. Он считает, что спорт в районе достиг небывалого дотопе расцвета. Он искренне верит в отчетность, а по ней в районе насчитывается около 8 тысяч физкультурников.

Г. Лопухин более уж не возглавляет районные спортивные организации. Правда, автор не до конца уверен, что с увольнением принципиального Георгия Лопухина не поспешили. Все-таки при нем впервые за много лет в районе прошел спортивный праздник. Да и принципиальность нынче в цене. Но это — личное мнение автора.

А теперь дайте руку, читатель. Шире

откройте глаза. Смелее! Я поведу вас по некоторым кругам спортивной отчетности.

Помните, что говорил первый секретарь Елецкого РК КПСС об инструкторах-методистах производственной гимнастики? Ну, о тех, на чьих ставках эти, у которых пальчики устали...

Автор посетил спортивных руководителей Липецкой области, заместителя председателя Всесоюзного совета ДСО профсоюзов Ю. М. Гореленко, председателя центрального совета ДСО «Урожай» П. П. Кобызева, и все они с редким единодушием утверждают, что это чрезвычайно распространенное явление. И если директор завода или совхоза хочется видеть на ставке инструктора шофера, секретаря или, скажем, комсомольского работника, то так оно, как правило, и бывает.

Кто же организует в этих коллективах спортивную работу? — изумитесь вы. А никто! Да и зачем, скажите на милость, ее организовывать, если можно и так: механически переписывать прошлогодние липовые отчеты и выглядеть при этом красиво.

Сейчас в стране почти две сотни коллективов, награжденных почетным знаком ГТО. Вот она — массовость! Вот оно — ма-

Ну-ка ответствуйте, как на духу: ваш лексикон не оскорблен отсутствием таких бессмертных речений, как «прыгнуть выше головы», «обойти на вираже», «побить рекорд», «дойти до финиша», «кинуть на борт», «оказаться в офсайде», «послать в нокаут», «забить гол в свои ворота», «ход конем» и, конечно же, «шайбу-шайбу»?

Ваша мимика столь красноречиво выражает обиду, что судейская коллегия, коря себя за бестактность, понимает: вы и дня не проживете, не приправив свою служебную или бытовую речь хотя бы одной из означенных красавиц идиом. А разбуди вас среди ночи и спроси, откуда в них столько внутренней динамики, вы даже спросонку воскликнете: от родителя! Ну, разумеется, ведь в большую жизнь эти крылатые выражения перелетели из большого спорта.

А между тем сам спорт есть отражение жизни, ее уменьшенная модель. Полагая так, спортивные философы обожают свой

краеугольный тезис пояснять популярно: в спорте буквально все происходит точно так же, как в жизни, только гораздо быстрее. И впрямь, сколько соли истребляют люди, прежде чем выясняют, кто из них мастер в своем деле, а кто подмастерье, кто чист душою, а кто грязен. Спорт же, моделируя через соревнования острее жизненные ситуации, выявляет суть и цену каждого, что называется, в два счета.

Пребывая в рассуждении об органической взаимосвязи жизни и спорта, судейская коллегия напоминает, что, дав старт турниру, она призвала поэтов-кроссменов исхлестать ювенальным бичом многочисленные спортивно-физкультурные пороки, то есть, смеясь, высказаться о спорте всерьез — как о важной составляющей нашей жизни. И сатирический дар крокодильских читателей проявляется сейчас необычайно ярко и продуктивно. Любуясь некоторыми сочинениями, поражающими цель метко и изящно, судейская коллегия вдруг ойкнула: иные бегуны, отменно смотревшиеся на расстоянии, шли по дистанции, как оказалось при ближайшем рассмотрении, вроде бы с нарушением правил — говоря о спорте, они говорили не столько о нем, сколько... о жизни!

Об актуальнейших проблемах жизни. И прежде всего о мире на планете. Очень выразительные слова нашли для этого бакин Е. Зудова, ульяновец А. Бойко, москвич Б. Коган, хабаровчанин Б. Ван-тын, житель г. Стрый Н. Итцык.

Не укрылись от заслуженного бичевания внутренние наши проблемы: неразворотливое внедрение хозрасчета и бригадного подряда (В. Дичкин, г. Северодвинск, Ю. Рудштейн, г. Ленинград, И. Королев, г. Москва); наплевательское отношение к работе (О. Сидорчук, г. Кишинев, С. Еременко, г. Уральск, К. Шарифан, Магаданская область, В. Карынец, г. Москва); нежелание и неумение перестраиваться (И. Поповина, г. Москва, Е. Коптев, г. Алексин); еще не искорененное пьянство (С. Солдатов, г. Лыткарино, С. Радченко, г. Ростов-на-Дону, Б. Крикушин, г. Куйбышев); блатнейство (Н. Лебедев, г. Воронеж, А. Сигин, г. Москва, Сызранцева, г. Петропавловск-Камчатский); нетрудовые доходы (И. Белецкий, г. Рига); приписки (Л. Дворкин, г. Дзержинск); протекционизм (И. Морешану, г. Бердянск); служебное угодничество (Е. Бабкин, г. Москва); безудержное рвачество (И. Кузевалов, г. Нижний Тагил); бездорожье в новых районах (Ю. Самойлов, г. Смоленск); бесцеремонное отношение к музыкальной классике (Г. Воронова, г. Пермь) и т. д.

Как же быть с бегунами, расширительно истолковавшими регламент турнира? Чтобы принять справедливое решение, судейской коллегии и пришлось впасть в то самое рас-

стерство! Давайте изумимся вместе — ведь для получения такого знака в коллективе все сто процентов должны сдать непустоковые спортивные нормативы, все должны быть передовиками производства, учебы и не менее 60 процентов — заниматься в секциях!

Этому положению изумилось даже новое, не успевшее еще во все вникнуть начальство Главного управления физвоспитания Госкомспорта СССР. Правда, те, кто работает в этой организации давно, утверждали, что такие херувимские коллективы теоретически все-таки возможны, но даже они согласились, что именно теоретически.

Кстати, приходилось ли вам видеть абсолютно пустые спортивные сооружения, куда вас тем не менее решительно не пускают? Скажем, теннисные корты или бассейны? Наверняка вы негодовали, грозили неприступным сторожам всяческими карами и пытались туда проникнуть обходными путями...

Спешу заверить вас, что даже замечания по службе сторожу не объявят. По той простой причине, что на кортах, в бассейнах, на беговых дорожках в этот момент усердно занимались физкультурой и спортом сотни, тысячи, миллионы загорелых крепейшей все из той же породы — «физкультурник отчетный». Объясняется это просто: предприятие перечислило деньги, дирекция сооружения их оприходовала, а звенят ли на кортах мячи, мечутся ли по ним спортсмены в белоснежных одеждах — это не их дело. Если никто не мечется — даже лучше. Не нужно убирать, да и экономия электроэнергии получается заметная. Тоже можно рапортовать и получать премии...

Конечно, не везде такая липа. В Паланге, например, увлеченнейший Дайнюс Кипенис — председатель городского спорткомитета и ДСО «Жальгирис» — являет миру пример того, как должно быть. Не на бумаге, не в отчете — на деле. Все это происходит, по его мнению, и потому, что он совмещает обе эти должности, а значит, и власть, и деньги находятся в одних руках. Ах, какие там спортивные праздники! Какая школа верховой езды! А корты, беговые дорожки в целебнейшем сосновом лесу, велосипедные трассы! Неуют уста! Нет таких слов в языке, чтобы передать, как все было бы славно, если бы таких Дайнюсов у нас было столько, сколько спорткомитетов на местах!

Д. Кипенис жалуется лишь на бумажотворчество: за год он получил почти триста разных бумаг от спорткомитета и «Жальгириса» и был вынужден отправить почти 900! Такая вот тяжелая бумажная атлетика!

Впрочем, в таком же положении находятся спорторганизаторы по всей стране. По свидетельству липецких, елецких, клапейдских и палангских спортдеятелей всех рангов, отчеты и писание всяческих бумаг отнимают у них 80 процентов времени.

Отчеты, отчеты и еще раз отчеты! В том же городе Ельце на заводе «Гидропривод» есть инструктор-методист Бушмин. Презрев бумаги, активно занимается он организацией физкультуры и спорта. Его даже ставят в пример, но только... пока не подходит время очередного отчета. Ну, не

любит их писать наш инструктор. Ему, может, молот легче метнуть, чем сочинить бумагу.

И вот результат: проигрывает он в соревнованиях. Беспросветный, как говорится, аутсайдер.

Также и И. З. Астремин из колхоза имени Первого мая, что в Липецкой области. Скажите, часто ли вы видели в колхозах кандидатов в мастера спорта и чемпионов области? А у него такие есть! Только вот беда — в натуре, а не на бумаге. И как результат при всяческих проверках выглядит спортивный подвижник, прямо скажем, крайне некрасиво.

Вот мы и пришли к единственно верному выводу — спортивный руководитель без красивого отчета являет собой столь же отталкивающую и нелепую фигуру, как, скажем, усаый мужчина в кокетливой дамской шляпке.

В завершение автор хочет заметить, что он вовсе не ставил целью опорочить слабую армию физкультурников. Его только несколько удивляет, когда, к примеру, председатель центрального совета ДСО «Урожай», говоря, что сейчас в обществе почти 19 миллионов физкультурников, доводит фанфарную медь до почти невиданного звука и утверждает, что к концу пятилетки их будет уже 24 миллиона. Автор осторожно сомневается в этих цифрах.

И напротив, следует, очевидно, радоваться трезвому и деловому подходу нового

суждение о единстве большой жизни и большого спорта. И получилось, что все «расширители» подлежат не наказанию, а поощрению — за успешные выстрелы дуплетом. Среди авторов опубликованных сегодня миниатюр тоже есть удачливые охотники за двумя зайцами. Николай Георгиевич Емельянов, Виктор Федорович Дегтярев и Виктор Николаевич Николаев, заикнувшись как будто бы о спорте, ударили по нашим злейшим врагам — бюрократизму, алкоголизму и наркомании; В. Тактаев — по браконьерству, А. Балабин — по транспортной проблеме, В. Кашлев и П. Овчинников — по бытовым неурядицам.

Как известно, универсальные мастера имеются и в жизни, и в спорте. Удивительно ли, что наш турнир, отражающий то и другое, выпестовал собственных универсалов. Судейская коллегия данному явлению и не удивляется — она ему радуется!

ФЕДЕРАЦИИ ФУТБОЛА СССР

К БУДУЩЕМУ ЧЕМПИОНАТУ МИРА ПО ФУТБОЛУ

Когда мужик в дорогу собирался, Советы многих слушал он людей. Но никогда, однако, не решался Менять перед дорогой лошадей!

Н. ОСОКИН, с. Мировка
Воронежской области.

«Динамо» (Киев) восхищает нас. Большие мастера в футболе зреют! Но в канцеляриях подчас Ловчее отфутболивать умеют!

Н. ЕМЕЛЬЯНОВ, с. Плеханово
Липецкой области.

В винотделе у прилавка Постоянно нынче давка. Может, новый вид борьбы? Нет, здесь все спешат в гробы!

В. ДЕГТЯРЕВ, официант,
член общества трезвости,
шахматист-разрядник, г. Москва.

Наркоман нам неприятен: Хил, землист... И шприц в руке... Я советую, приятель, Кайф ловить на турнике!

В. НИКОЛАЕВ, шлифовщик,
большойщик «Спартак» с 1945 года,
г. Москва.

А для меня любимый спорт — рыбалка. Одна беда: когда инспектор спит, Мои рекорды побивает Палкин, Успешно применяя динамит.

В. ТАКТАЕВ, электромонтер,
водитель горе-мотоцикла «Минск»,
г. Балхаш.

Если хочешь иметь атлетический торс, Бычью шею и бицепсы глобусом, Позабудь про гантели, про гири и кросс — Езди чаще в час пик на автобусе!

А. БАЛАБИН, г. Ковров.

Наши сельские бабули Все гимнастки, и давно. Через речку протянули Вместо мостика бревно!

В. КАШЛЕВ, преподаватель ВИПК
Гослесхоза СССР, г. Пушкино.

руководства Главного управления физического воспитания Госкомспорта СССР к своей работе, что уже проявилось в урезке почти вдвое граф отчетности. Bravo!

Вместе со всеми автор надеется, что благие намерения не останутся на бумаге, но, достигнув мест самых отдаленных, поднимут наше физкультурное движение на такую небывалую высоту, что красивым можно будет стать и без липовых отчетных цифр.

Елец — Липецк — Клапейда —
Паланга — Москва.

«Стручок на Стреле»

Спортивно-поэтический турнир

II этап

Извините, что пишу не на открытке, но на это есть веская причина:

По Кисловодску бегал прытко, Обшарил все и сбился с ног: Обыкновенную открытку Приобрести — увы! — не смог.

П. ОВЧИННИКОВ, г. Одесса.

Гораций был прав. Правоту его слов Века подтвердили.

И как не поверишь, Что, если не бегать, пока ты здоров, Придется побегать, когда заболеешь.

В. ЛАТЫШЕВ, г. Курск.

ДИАЛОГ

— О секции плавания дочка мечтает!
— Физических данных у ней не хватает.
— Безделицу к празднику эту примите!
— Ну что вы! Зачем?!
Вообще... Приводите!
Е. КОПТЕВ, г. Алексин.

Всей бригадой нормы ГТО Сдавать в бассейн шагаем, но... На дверях замок амбарный — ОРС устроил склад здесь тарный.

А. КОМАРОВ, г. Прокопьевск.

И кричал народ, и свистел народ, Целовалась парочка у чужих ворот. Поцелуй прервать нет на свете сил... Один пас отдал, другой гол забил.

М. АРЖАНОВ, научный работник,
г. Болшево.

Говорил о спорте смело, здорово! Но взрастил, увы, он тело борова. А не разоидись со словом дело — Было бы спортивным это тело!

А. АФАНАСЬЕВ, чаевод,
г. Цулукидзе.

Летят тарелки выше крыши. Задача — их разбить на части, Девиз на стрельбище в Мытищах: Посуда бьется только к счастью!

И. ПОДГОРЦЕВ, г. Ленинград.

Я одного спортсмена знал — Вот это был оригинал! И на лыжне успехи, И появлялся в цехе!

Б. ФЕРДИНАНД, г. Первоуральск.

Он не зубрил до поздней ночи И знаний прочных не имел, Но в вуз прошел!

Подумали: «сыночек»? Берите выше — он спортсмен!

А. СООТС, г. Хаапсалу.

Для гимнастики с пеленок Отбирают чемпионов. Ну, а после десяти Надо в тренеры идти!

В. ЖУКОВ, физик, г. Киев.

С июля он забросил спорт И даже в шашки не играет. Для «Крокодила» день и ночь Четверостишья сочиняет!

В. ЗУБОВ, преподаватель,
г. Новосибирск.

Колонна БТРов и танков остывала на базе после долгой и опасной операции. Бойцы с обветренными, прокопченными лицами вытаскивали из них амуницию и оружие, несли ящики с захваченными у душманов боеприпасами и реактивными снарядами — РСами. Сложенно, без суеты и лишних слов.

— Как операция прошла? На этот раз без потерь, — устало улыбнулся майор — это главное. А подробности расскажет вам вновь отличившийся Николай Корешков, вон он со своими хлопцами, — и кивнул на разбивавшую походные палатки группу солдат.

— Ну что ж, товарищ корреспондент, — сказал, подмигнув друзьям, Николай, — для начала предлагаю устроиться поудобней, а местечко у нас для разговора подходящее найдется.

Мы подошли к саперному отсеку базы. Там, под маскировочной сеткой, желтела у забора гряда трофейных «итальянок» — противотанковых мин. Усевшись на самом верху, Николай закурил и сказал:

— Присаживайтесь, товарищ корреспондент, не стесняйтесь. А я подробно расскажу вам о ратных делах нашей боевой десантной части.

— Спасибо, я лучше постою...

— Да вы не тушуйтесь — мины давно без взрывателей. Так, болванки...

И не успел смех окружавших нас бойцов затихнуть, как все вокруг вновь пришло в движение. Колонна словно ожила, в боевые машины загружались канистры с питьевой водой и боекомплект, бойцы тащили к ним палатки и скрученные матрацы.

— Корешков, уходим. На афганскую заставу духи давят. Сбор — семь минут.

— Есть!

Корешков повернулся ко мне:

— Ну вот, интересен закончено. Помыться не успели, а уж снова в горы. — И, глянув с усмешкой, эх, мол, гражданка, прилетел-улетел, вдруг добавил: — А что, корреспондент, чем расспрашивать про наше житье-бытье, поехали вместе — сам все и увидишь.

— Да я-то, конечно, за, но...

— Иван, тащи комбез с жилетом — нашего полку прибыло!

— А это надолго? Командировка-то не резиновая.

— Кто его знает — как управимся. Ну, давай пять, залазь на броню, с попутчиками знакомить буду.

Выпустив облако сизо-черного дыма, наш бронетранспортер рванулся, подпрыгивая на ухабах, за вперед идущей машиной в сторону гор. Обхватив рукой стальную башню, Коля кивнул на открытый люк, и сказал:

— Ведет машину Петро, механик наш и, как истый украинец, большой любитель арбузов. Синецын — наш санинструктор, проще говоря, Синецын-сан. Ларичев — переводчик, окончил МГУ, хоть и юн, но уже вполне ученый человек. Игорь — стрелок и дока в саперном деле, Гиви ранее учился в горном техникуме на маркшейдера, теперь воин-интернационалист. Рядовой Иван Бухарцев — сибиряк и силой пошел в деда, кузнеца. Это и есть мой десантный костяк. Ну, а с майором нашим ты уж знаком, вон он, на втором бронике едет...

Случилось так, что путь наш затянулся не на один день. БТР стал родным домом, и на его броне в записную книжку ложились рассказанные Колей Корешковым истории о дружбе, ратных делах и боевых его товарищах, советских воинах-интернационалистах в Афганистане.

АРБУЗЫ С МИННОГО ПОЛЯ

(История первая)

Не могу утверждать, что в школе по географии был я первый, но насчет Афганистана скажу наверняка: местность тут имеется самая разнообразная, сам проверял. Кроме гор и пустыни, есть и болота, и зеленка — это, по-нашему, любая растительность. Встречаются, кстати, и арбузы.

В тот день, помню, уходили мы после успешной реализации через виноградники. Тут-то и зажали нас духи с трех сторон, так что путь был один — через болотину. В руках у меня — винтовка снайперская, а на плечах — три автомата, гранатомет, подставка для миномета, бронезилет не в счет. У ребят — не меньше, еще и Гиви раненого на плащ-палатке несли — зацепило его в обе ноги. И так мы в этой болотине искувыркались, что ничего, кроме аказмов*, не работало. Только на почву вышли — тут бац! — дух прямо передо мной с автоматом. Сам, похоже, такой встречи не ожидал, замешкался, я щелк из винтовки снайперской почти в упор — ноль эмоций, осечка. Ну, пронеслось в голове, отгулял свое Коля-Николаша, сливая бензин. Раздалась очередь — я только зажмуриться успел, а глаза открываю — фу ты, черт! Ларичев, молодец, не растерялся, успел из-за моего плеча бородатого. Пришлось мне и четвертый автомат на плечи взваливать. Ладно, отбились, оторвались, мимо горок путь дальше лежал. А жара была, солнце с потолка шпарило, знаешь, как душман из пулемета, еще и пот из-под каски глаза заливает. Воды мы, считай, часов по восемь капли во рту не держали, хоть и не верблюды.

Но вот, наконец, недалеко уж до части осталось, горушка знакомая по левую сторону, а у подножия — минное поле. Сначала духи ставили, затем наши, потом опять духи, короче, лучше не лезь.

Петро тогда на первой операции с нами был. Ох и глазастый оказался парень — увидел на склоне две такие сладкие зеленки — два арбуза, скинул с себя стальные трофеи и попер. Не знал он, что там мины. И мы от усталости и жары не сразу заметили, что он в минное поле углубился, а увидели — поздно было звать. Потому что в этом деле закон такой: у того, кто по минному полю идет, — свой бог. И так на волоске человек, растяжки** под ногами, а окликнешь — заволнуется, дернется — и пропал. Короче, надо молчать.

Дошел он, арбузы над головой поднял и орет, ура, мол. Ага, а мы стоим и молчим, губы кусаем. Что-то Петька кричит, а мы как глухие, ничего не слышим, только на ноги его смотрим. Он идет, кажется, медленно-медленно,

как в замедленной съемке, смеется — будто фотография с юга, арбузы под мышками...

— Корешков, я «Загорск», прием, — раздался по рации голос майора.

— «Пятый» слушает.

— Ты с нашим другом Мухамедом с афганской заставы давно виделся? Как там его ребята — выстоят?

— Видел его три дня назад, ребятки — молодец, но ведь они с Мухамедом.

Связь закончилась. Гиви, будто тамада на грузинской свадьбе, руки развел в стороны, сказал:

— Слушай, почему все время отвлекаешься? Расскажи скорей, что дальше с Петром было, да?

— А что, сам не видел?

— Э-э, все видел, сам в плащ-палатке весь в крови лежал, но ты все равно Расскажи — пусть корреспондент послушает.

...Синецын-сан как был, так и сел на автомат — на зад у него висел, каску снял. Достал он штык, арбузы резать стал — доволот их Петро в целости и сохранности.

Да, таких вкусных и сочных арбузов я отродясь не ел. Впивались в мякоть зубами, тянули влагу в иссохший рот по каплям, Гиви напоили.

Выступая за реальное политическое урегулирование ситуации вокруг Афганистана, советское руководство приняло решение о возвращении из ДРА на Родину некоторых воинских частей ограниченного контингента, введенного в эту соседнюю с нами страну по просьбе ее правительства для защиты завоеваний революции.

Андрей БЕНИУХ, специальный корреспондент Крокодила

АФГАНСКИЕ РАССКАЗЫ

Эх, молодец Петро, что жив остался и с арбузами тюленька в тюленьку подоспел, ведь соврал я зачутку, для красного словца, что ли, будто база наша рядом стояла. Пилить и пилить до нее было...

*

Колонна пересекла мелкую, по-весеннему бурную речку и выехала на дорогу к перевалу, туда, где сражались бок о бок с наседавшими душманами афганская и советская заставы.

Сидя на броне, бойцы напряженно всматривались в отроги гор, в каменные навалы, откуда каждый мог превратиться в мишень. И перед лицом той незримой опасности, что глядела безмолвными желтыми глазами со всех сторон, хуже всего было молчать, хотелось слышать человеческий голос, такой спокойный и надежный, как у Коли Корешкова.

ЭКСПОНАТЫ В МУЗЕЙ

(История вторая)

Шли мы, помню, по зеленке в разведку. Зеленка не плотная, насквозь прострельная, а под ногами жижа хлюпает, болотистое было место. А у переводчика нашего страсть, вроде как хобби: с боевых возвращаемся, он отмыться да передохнуть толком не успеет, как за описание истории нашей части садится. И еще собирает он всяческие экспонаты для будущего музея и нас этим делом увлек, почти с каждой операции притаскиваем кто что.

Ну, идем. Вдруг Синецын-сан наш затормозил и говорит тихо: «Приготовились, хлопцы! Чую, опасно тут». И точно — барометр у него сработал. Только сказал он эти слова, как начали по нас палить. Залегли мы в эту грязелечебницу, отстреливаемся. А у меня, честно скажу, свой пунтик с детства имеется: при виде лягушки страх какой-то возникает, и ничего с собой поделать не могу. Вам смешно, но хоть ты режь меня, а лучше один на один с бандой духов встречусь, чем с земноводными гадами.

Плюхнулся я, значит, как шел, в эту жижу, голову приподнял, а перед самым носом здоровая такая жаба сидит, в упор меня разглядывает. Вскочил я, да, видно, с таким жутким криком, что и наши, и духи на время о перестрелке забыли. Откатился к Синецыну, он спрашивает, что случилось. Так и так, объясняя, провел психическую атаку на духов. Не атаку ты провел, говорит, а просто ты псих.

Ладно, воюем дальше. Гляжу, а Петро каску вдруг руками обхватил и стонет. Подполз к нему. Что, спрашиваю, садануло? Куда? А он и ответить толком не может, мычит только и стонет. Каску я с него снял, а она — бац! — и надвое развалилась. Пуля ее аккуратно так пополам разрезала и ушла, а его просто оглушило. Поползли мы все обратно, я с Игорьком и Гиви впереди, Синецын-сан Петру помогает, а Ларичев замыкал, прямо по нашей колее полз. Полз, полз и уперся в эту самую каску. И надо же до такого додуматься: над головой пули очередями ходят, визг на всю зеленку, а переводчик наш каску эту приподнял и орет тихим шепотом: «Ребятки, да это же ценнейший экспонат для нашего музея будет!» Какой еще, отвечаем, к черту экспонат, дурья твоя ученая башка, тут самим бы в музей не угодить! Ну да ничего, не угодили. И только мы выползли из-под обстрела, очухаться не успели, а слева — глядим и глазам своим не верим — откуда ни возьмись баба в парандже бежит, а за ней друг наш с афганской заставы, доброволец Ширджан. Ну, думаем, дела! Совсем парень без жены ошалел.

Тут афганка обернулась, видит, вот-вот Ширджан ее нагонит, подхватила паранджу с чапаном, чтоб не мешались, и ну деру в болото. Мы глядя, а на

* Автомат системы Калашникова.

** Натянута и соединенная с взрывателем мины проволока.

бабе сапожищи, и ноги волосатые, точь-в-точь как у нашего Гиви. Вбежала эта «баба» в болото, вконец запуталась в своей одежде, тут Ширджан ее с набегу в грязелечебницу и завалил. И ну головой в жижу пихать. Подбежали мы к ним, спрашиваем Ширджана: что, мол, новую жену нашел? Какую, говорит, еще жену, у меня своя молодая, а за этим душманским лазутчиком я уж два дня гонюсь. Содрал он с той «крали» наряд, скинул паранджу — знатный нарисовался душман, с бородой, по всем правилам. Правда, слегка захлебнувшийся.

Я смотрю, а Ларичев будто сам не свой — горячо что-то Ширджану говорит, на половинки каски показывает. Выслушал его Ширджан, улыбнулся и протягивает паранджу. Бери, мол, не жалко. Ну пошли мы обратно на базу, я переводчику нашему и говорю: «Тебе что, для невесты в Минск наряд понадобится?»

Вот такие две реликвии остались у нас после той разведки — каска из двух половинок и паранджа с лазутчика. А что, может, и в самом деле интересные экспонаты выйдут для нашего музея?

По-южному быстро наплывал из-за гор фиолетовый полумрак. После дневной жары и пыли заметно посвежело.

— Вот так встреча! Картина «Не ждали», серия вторая, — сказал Корешков.

В жизни и ратных делах советских воинов-интернационалистов случались за эти годы самые разные эпизоды. И нередко героическое и даже трагическое соседствовало с юмором. Шутка и улыбка помогали солдату выстоять в самые трудные минуты. В этом убедился наш корреспондент, побывавший в Афганистане у воинов-интернационалистов.

КОСТИ КОРЕШКОВА

и, не отрывая от глаз бинокля, стал вызывать по радиации майора. Слева по дальнему холму двигался груженный караван. Поняв, что разворачивать верблюдов поздно, люди в халатах, прихватив оружие, разбежались в горы. Ясное дело — встреча с колонной в душманских планах не значилась. Они знали, что заставы блокированы, а боеколонна на базе, и хотели въехать в глубь страны, что тебе на именины. Но не сработала на этот раз душманская разведка...

— А ну-ка, Игорь, каску по левому борту! — скомандовал Корешков.

...Колонна ухнула вперед. Набив патронами сдвоенный автоматный рожок, Корешков сказал:

— Конечно, Игоряша, из такой пушки любой стрелять горазд, а ты б бульжниками стрелять попробовал — вот это я понимаю!

— Ты сказал, каскетами, я каскетами и отстрелялся, — невозмутимо парировал Игорь. — Сказал бы бульжниками, я б бульжниками заряжал.

— А с чего ты взял, что я шучу? Пришлось мне раз и бульжниками пострелять, и, знаете, вышло!

СТРЕЛЬБА БУЛЬЖНИКАМИ (История третья)

Яжело в Пандширах давался нам буквально каждый метр. А тут еще снайпер душманский повадился за нашим подразделением охотиться. Чего уж мы так ему приглянулись, не знаю, но покоя он нам не давал: как рассветет, стрельнет пару раз с горки — и деру.

Вызывает меня тогда майор наш и говорит:

— Хватит, Корешков, сволочь эту терпеть, опять бойца сегодня снайпер ранил. Прояви свойственную твоему отделению смекалку, обезвредь.

А как его в горах обезвредишь, не видать ведь, откуда он стреляет. Ну да ладно, пошли мы в засаду. Сутки ждали. И дождались — совсем с другой горки он стрельнул и утек. Спускаемся на базу. Гляжу, а майора нашего выше локтя бинтуют. Поглядел он на меня и ничего не сказал. Если б покрыл сгоряча или еще как, было б легче. А то глянул только, эх, мол, Корешков, я ж на тебя надеялся — и все. Обидно!

...Горушку ту я усек, с которой снайпер стрелял. Взял я у саперов тротилового провианту, автомат и пошел. Ходил я долго и все прикидывал, откуда б сам пристрелялся. И уж под вечер почти гляжу — бугорок ладный, а на вершке ложбинка, ну прямо просится цевье туда лечь. Часть наша с того бугорка как на ладони. Пять кило динамиту было у меня, врл я их все как есть в этот бугорок, сверху поставил контактную мину и снова ложбинку ту реставрировал. Прямо любо-дорого посмотреть. Подубрал все и ушел.

Всю ночь я не спал, а как только рассвет забрезжил, побежал на рапорт к майору, ему как раз Синицын-сан перевязку делал.

— Разрешите доложить, — говорю, — товарищ майор.

— Докладывайте.

— С минуты на минуту душманский снайпер начнет обстрел нашей части крупнокалиберными бульжниками. — А сам волнуясь, думаю, вдруг ошибся, не тот бугор или снайпер мою копошню заметил...

Майор с Синицыным переглянулись и говорят уже промеж собой, будто меня и нет рядом.

— Наверно, контужен.

— Скорей, от жары. Он вчера целый день по горам лазил, вот солнечный удар и хватил.

И только они так мило побеседовали, как раздался взрыв — кубов сто горной породы в небо улетело и на нас посыпалось.

Ну, вскочили мы, отряхнулись, майор дает команду: «Разведка, срочно выясните, в чем дело!» — а я ему и говорю:

— Все в порядке, товарищ майор. Это наш душманский снайпер в последний раз отстрелялся. Как я предупреждал, бульжниками.

Глянул на меня майор совсем уже по-другому, чем вчера, качнул головой и говорит:

— Вот тебе, Корешков, от меня именной орденом, — и протягивает правую руку, ту, что снайпер прострелил. Крепко пожал он мне пять и между прочим так добавляет: — А к медали я тебя представляю. За смекалку!

*

Теперь мы, кажется, не так торопимся — натиск душманов на заставы отбил подоспевший вертолетный десант, к тому же, узнав о приближении нашей колонны, духи отошли от застав, затаились в горах...

Раньше, очевидно, из-за скованного напряжения, я ее почти не замечал. Теперь заметил: похоже, весь мир состоит из одной пыли. Пыль везде, она влетала в руки, в лицо, скрутила в проволоку волосы. Дирижирует этой горной пылью неведомо откуда налетающий ветер-афганец. Говоря по чести, вредней дульника на свете я не встречал.

— Пыль здешняя, ох, и зараза. Тьфу! — с досадой сказал Коля. — Приходим на базу, два дня отмываемся, лишь на третий сходить начинается. Наша русская пыль — пудра сахарная по сравнению с этой... А вон, кстати, и застава.

Мухамед оказался высоким, худым и совсем юным парнем. Правда, с вполне офицерскими погонами. Кивнув на следы осады, Коля спросил:

— Что, жарко пришлось?

— А! Как обычно.

Из-за гор показались две точки — к заставам приближались с провиантом и водой два вертолета. Посмотрев на них с прищуром, Мухамед грустно сказал:

— Тебе, Коля, письмо мама, может, с этой машиной прилетит, а мне никто не напишет...

— А жена?

— Эх, — махнул он рукой, — писать не умеет. Только в школу пошла, ждать долго.

— Ничего, генацвале! Если в школу пошла, значит, вскоре напишет, — улыбнулся с БТРа Гиви. — Коля, давай десантный чай заварим — встречу ведь надо обмыть!

БУЛЬОН ИЗ «АТАМАНА» И СТАБИЛИЗАТОРА

(История четвертая, рассказанная за десантным чаем)

Приехал к нам на боевые генерал с инспекцией. Ну, обсуждают они с майором нашим и замполитом план операции и прочие стратегии, мы своими делами занимаемся — кто оружие чистит, кто письмо пишет, я с Игорем пушку на БТРе отлаживаю. Вызывают меня тут к майору, отошли мы с ним в сторонку, он и говорит:

— Корешков, не в службу, а в дружбу, чем бы гостя накормить, в грязь лицом не ударить? Есть какие-нибудь соображения?

— Задачу, — отвечаю, — понял, накормим.

А у нас в БТРе индюк уже несколько дней жил, откармливать взялся Петро его для случая подходящего, вот и выпал случай. Дело-то как с индюком тем было: едем по дороге, вокруг ни кишлаков, ни дувалов — нежилая округа, вдруг бац! — откуда ни возьмись индюк. Вообще в Афгане немало я ошалевшего да отбившегося от людей зверья и птицы видел. Раз, помню, под Мазари-Шарифом бежит по полю псина, ну одно название: шерсть вся вылезла, ноги что тебе канцелярские карандаши, а сама худющая — все лимфатические узлы да кишки на солнце просвечиваются. Подбежала она, остановилась, а глаза пустые, видно, просить с голодухи разучилась. Ну, жалко, конечно, бросил я ей кусок хлеба, проглотила собачка, и, кажется, прямо видно, как кусок тот по внутренностям ее двигается... Вот так же и тот индюк — встал посреди дороги, нахохлился, а сам еле на ногах стоит, одни кости да перья, одно название, что индюк. Ладно, поставили того индюка на солдатский рацион, поправился он слегка, даже привычки мы к нему, Атаманом прозвали, но, видим, делать нечего — для гостя не жалко.

Темнеть уже начало. Взяли мы котел, а на краю стоянки нашей дувал стоял, разбитый весь, в дырках, но все же помещение. Разожгли мы в нем костерчик, стали бульон варить. Петро кашеварит, мы вокруг стоим, ноздрями шевелим — ох и вкусно булькает! Вдруг звук знакомый, неприятный, и тут же как шваркнет что-то по котлу, мы аж чуть по стенкам не размазались. Ну, пришли в себя, вскочили, а котел наш насквозь пробит, и стабилизатор ракеты вместо индюка торчит. Видно, духи с горки костерчик наш заметили и в дырку дувала шибанули. Только дувал такая штука — глина, солома, глина, солома, так слоями и строится, в них-то и разъехались все осколки. А мы стоим все в кусках того индюка, и хоть бы царапина — одному Ларичеву кость индюшья в ухо слегка впилась.

Ладно, вбегает тут в дувал наш майор с парнями. «Раненые, — кричит, — есть?» «Откуда, — отвечаем, — раненые? Одни сытые вокруг — индюка с яблоками нажевались».

Доложили об этом деле генералу, приходит он к нам вечером с консервами. «Давайте, — говорит, — хлопцы, вечерять». Ну, достали мы сухой свой паек, чайку сбачали, поужинали с генералом чин чинарем, свойский оказался мужик. А под конец он и спрашивает с улыбкой:

— Это чья ж, хлопцы, идея такая была — индюками генерала на боевых кормить?

— Да сам, — отвечаю, — товарищ генерал, индюк и попросился: хочу, говорит, на короткой ноге с начальством сойтись. Только, видно, не судьба ему была, Атаману нашему.

— Ладно, — говорит, — не беда. Вот вернемся домой, приглашаю всех ко мне в гости под Полтаву. На утку с яблоками!

Вот так вот, стало быть, пойдём в гости к генералу. А пока что Ларичев стабилизатор тот для музея нашего бережет. Раньше, говорят, из топора суп варили, теперь иная рецептура имеется.

Корреспондент Крокодила: Владимир Яковлевич, редакция хотела бы взять у вас автограф.

Владимир Шаинский: Пожалуйста. Жду вас на даче сегодня в шесть.

К. К. А если в пять...

В. Ш. В пять придет плотник...

(Из телефонного разговора.)

ВАРИАЦИЯ № 1

Вдоль забора традиционно тянутся кусты смородины и малины, к пруту заботливо привязан росток облепихи — ценной и полезной ягоды. Ландшафт лужайки созвучен времени: всюду раскиданы доски, стекловата, уложен штабелями шифер — нынче дачи строят многие. Вокруг ни души. «Наверняка у него есть собака, — тревожно подумалось мне, — пишет же он песни про собак».

— Это вы корреспондент? — донеслось откуда-то с неба.

Я подняла голову. На недостроенной мансарде — двух стен не хватает — стоял Владимир Шаинский и напряженно вглядывался вдаль.

— Вот вы пришли, — констатировал он, — а плотник так и не явился. Инструменты его, между прочим, лежат в чужом дворе, я вижу. Удивительно!

— Ничего удивительного, — ответила я. — Строители в отличие от корреспондентов очень часто обманывают: обещают прийти и не приходят.

— Но зато корреспонденты в отличие от строителей, — слезая с крыши, грустно заметил Шаинский, — не умеют укладывать крышу.

— Корреспонденты бывают разные...

— А может быть, плотник еще придет, — не теряя надежду Владимир Яковлевич. — Давайте подождем и заодно поработаем.

Мы устроились за летним столиком на лужайке.

Так получилось, что своего первого музыкального критика я встретил в годы войны. Мы с приятелем Толей Лебедевым учились в военной школе радиосвязи и как-то вечером сочинили песню. Толя — стихи, я — музыку. Весть о нашем музыкальном опусе мгновенно распространилась среди курсантов, и на следующий день ко мне подошел сержант. Он отвел меня к забору, в сторону от казармы.

— Значит, сочиняем? — припер меня к стенке сержант. Я признался.

— Спеть! — последовал приказ моего первого музыкального критика.

— «В небе облако клубится, даль прозрачная ясна, И невидимую птицей мчится радиоволна...»

— Что, говоришь, мчится? — насторожился сержант. — Радиоволна, — сник я.

— М-да... — загадочно промямлил сержант и удалился, теребя в раздумьях портупею.

Вот и спета моя песенка! Я поплелся в казарму мыть пол, поскольку в этот день числился дневальным, в самом скверном настроении.

— Шаинский! — выкрикнул посыльный. — В штаб к полковнику. Срочно!

Я бросил тряпку и помчался в штаб. Там собрались запевалы со всех рот. Распоряжался сержант.

— «Батя» хочет послушать твою песню, — проинформировал он. — Пробеги с ребятами первый куплет.

Вскоре прибыл сам «батя», полковник, начальник школы. Донской казак, в удалски заломленной папахе и с молодецкими усами, он был страстным любителем армейской песни. Худсовет в составе лейтенанта, сержанта и полковника, председателя, чинно устроился на лавке, и мы спели. Полковник остался доволен.

Сержант сиял. Я почувствовал, как у меня за спиной вырастают крылья. Сержант, суровый критик мой, спасибо тебе за поддержку!

Я принялся сочинять песни: мелодии рождались легко и быстро, они нравились друзьям и мне самому, но с музыкальными критиками возло гораздо меньше.

После войны, в 1949 году, я окончил консерваторию по классу скрипки, и меня взяли в эстрадный оркестр под управлением Утесова.

С Леонидом Осиповичем работать было нелегко — он оказался весьма требовательным руководителем, а главное, считал, что святая обязанность каждого — заниматься своим делом, не траться на посторонние увлечения. Если ты скрипач, утверждал он, будь добр, пиликай как можно лучше, а музыку пусть пишут те, кому это положено по штату. Но я все-таки композиторствовал, несмотря на сентенции сурового маэстро.

Мы гастролировали в Астрахани. Концерты закончились, и все торопились домой. Каждый мечтал улизнуть пораньше, не дожидаясь официального финала

гастролей, состоящего из скучных административных забот. Пошел отпрашиваться к Утесову и я.

Причина была веская — в столице меня ждал поэт.

— Леонид Осипович, разрешите мне отбыть в Москву пораньше.

— Что случилось?

— У меня встреча с поэтом.

Нависла пауза. Утесов долго глядел на меня, утопая в королевском кресле руководителя. Затем медленно произнес, обращаясь к дирижеру:

— Ты слышал? У него встреча с по-э-том. Представь себе, с по-э-том.

В наказание за кичливость я был оставлен в Астрахани до конца поездки с поручением проследить за погрузкой инструментов и соответственно проконтролировать их выгрузку в Москве. В общем, домой я притащился последним.

Но как только я ушел из оркестра, Утесов мгновенно признал во мне композитора и даже согласился сотрудничать. Все объяснялось просто — я больше не числился в штатном расписании скрипачом.

Мы гастролитовали в Крыму. Как-то, на пляже в Ливадии я решил похвастаться перед Утесовым мастерством охотника-подводника. Надо сказать, в то время я увлекался подводной охотой не на шутку и однажды на Кубе даже отплыл на полтора километра от берега, хотя знал, что на этой глубине вольготно шастают акулы.

Я нырнул и подстрелил кефаль.

Утесов нежилась в шезлонге. Увидев рыбу, он подумал и укоризненно сказал:

— Только что, Володя, вы убили живое существо, а вечером будете слушать Баха.

Вот таким был мой первый художественный руководитель.

Что же касается песен, то дела с ними шли все хуже и хуже. Я не умел проталкивать их, лезть в окно, если гонят в дверь, открывать кабинеты ударом ноги. И тогда я решил бросить эту эстрадную суету и податься в серьезные композиторы. Сказано — сделано. В 1965 году написал симфонию и отправился с ней к Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу. Навив шишек в эстрадных редакциях, я был почти уверен, что Шостакович вряд ли спустится с небосклона слушать мою симфонию, но уповал на чудо.

И оно произошло. Наша встреча была короткой, и я не могу похвастаться объемными воспоминаниями. Знаменитый композитор не торопясь, внимательно выслушал меня, высказал несколько замечаний. Попросил повторить пяток фраз. Задумался. Уточнил детали. Обнадежил. Поздравил с первым солидным произведением. Впоследствии с этой симфонией я вступил в Союз композиторов.

Итак, я мысленно распрощался с песней, заказал фрак, начал вырабатывать неторопливую, полную достоинства походку и сдержанный поклон публике. Но, как это бывает в плохих романах и в судьбах эстрадных, в мои разумные планы в самый неподходящий момент вмешался его величество случай...

...Скрипнула калитка. Мы с Шаинским встрепнулись.

— Это плотник! — воскликнул он.

ВАРИАЦИЯ № 2

Калитка медленно приоткрылась, и в образовавшейся щели показался кот. Вытянув трубой дымчатый хвост, он, не обращая внимания на корреспондента Крокодила и композитора, прошествовал через весь двор, вскарабкался на строящуюся стену дачи и исчез.

— В этой части чердака нет крыши, — пояснил Шаинский. — Строители разобрали ее и тоже исчезли. С концами. Вот жду новых...

В ожидании строителей Владимир Яковлевич не дремлет. В прямом смысле слова.

— Во сколько вы обычно встаете?

— В шесть.

Если вы хотите договориться с Шаинским о встрече, то делать это нужно от шести до семи. Именно в это время расписывается день. Сначала обязательные два часа физкультуры. На даче два турника — «тренировочный» и «концертный», как называет их Шаинский. На тренировочном Владимир Яковлевич исполняет упражнения спортсмена-разрядника. Концертный турник высотой в пять метров, и на нем те же упражнения смотрятся гораздо эффектнее. Что ж, на то он и концертный...

А затем дела, их не перечислять. Возле пианино разложены ноты, стихи, черновики. Трежит телефон — одно за другим следуют предложения выступить с концертом.

Общественные дела тоже не отложишь. Начинающие поэты-песенники умоляют послушать стихи, молодые композиторы просят оценить мелодию, кто-то просит помочь достать путевку...

Тема
с вариациями

Владимир
ШАИНСКИЙ:

*Я пишу
для фабрики
Девчонок...*

Народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола, член бюро секции советской песни московского отделения Союза композиторов СССР Владимир Шаинский находит время для всех.

— Во сколько же вы ложитесь спать?

— Как правило, после часа.

— И неужели высыпаетесь? — удивилась я.

— Всегда спать хочется, — честно признался композитор и погладел на калитку. — Может быть, плотник еще придет?

Так вот, его величество случай явился мне в лице поэта-искусителя в мае 1966 года.

— Володя, — радостно заявил он. — Я написал песенку на одну из твоих мелодий. Это дело надо пробить на радио.

У меня заныло сердце. Как говорят в цирке, я почувал запах опилок.

Я позвонил в редакцию передачи «С добрым утром!».

— Хорошо, — сказали мне, — ищите исполнителя.

Известно, что исполнитель песни, тем более первый, — судьба композитора. Естественно, я захотел, чтобы моей судьбой стал тогда пронзительно модный Муслим Магомаев.

— Муслим Магомедович, — медовым голосом про-

пел я в телефонную трубку, — с вами говорит композитор Шаинский. Вы не прослушаете мою песню?

— Можно, — согласился певец.

Я на фортепьяно оттаранил мелодию в телефонную трубку.

— Я спою ее.

— Когда??!!

— Через полгода. Вернусь из Баку и спою.

Но время подпирало.

Не найдя певца, я побежал на радио.

— Шерше ля фам, — посоветовал редактор, недовольный моим мыканием, — ищите певцу.

— Может, Кристалинскую? — предложил я.

— Ваша песня очень подойдет Анне Герман, — ехидно посоветовал редактор. — Махните к ней в Варшаву. Что вам стоит?

В ушах звенел похоронный марш — песня играла в ящик.

— Ладно, — смиловился мой радиобог, — есть одна певица, никому не известная, но вам, как я понял, выбирать не приходится.

— Кто это? — насторожился я.

— Ну, какая разница, кто. Ее имя вам ни о чем не скажет. Пугачева.

Имя Пугачевой действительно тогда ни о чем не говорило.

Алла спела превосходно. Песня «Как бы мне влюбиться, чтоб не ошибиться» собрала рекордное количество слушательских откликов, посыпались заказы. Так благодаря Пугачевой я окончательно сбился с пути серьезной музыки на обочину легкого жанра.

Впоследствии мне приходилось немало работать с Аглой Борисовной, и я всегда поражался ее неумейной фантазии. Вот, скажем, песня «Цыганский хор»... Когда я сочинял эту песню, она была вовсе не о цыганском хоре. Пришла Алла Борисовна и заявила: «Это песня про цыган!» Срочно поэт Илья Резник написал новые стихи. Интуиция Аллу Борисовну не подвела — песня пошла сразу.

Заниматься детской песней я начал довольно давно. Помню, на одном из концертов грузинского эстрадного оркестра ко мне подошел представительный брюнет.

— Это вы сочинили шлягер «Как бы мне влюбиться»? — строго произнес он.

— Я.

— А не могли бы вы написать песню для Ирмы Сохадзе, моей дочки?

Еще бы я не согласился написать детскую песню! Ведь, помню, мелодии начали проноситься в моей голове еще в четырехлетнем возрасте. Меня считали одаренным ребенком: я обладал цепкой памятью, рисовал родственников с натуры, был музыкант.

Мама отвела меня в музыкальную школу для особо одаренных ребят при Киевском республиканском Дворце пионеров. Профессора остались довольны, но препятствие для поступления заключалось в следующем: по правилам приема надо было принести из обычной школы справку, подтверждающую мою одаренность.

— Я не могу дать такого заключения, — сказала учительница пения. — Он поет всегда тихо, а талант не может быть незаметным.

Во дворец меня приняли без справки. Помнится, без справок явились еще двое: Ян Френкель и Игорь Шамо...

Итак, я с радостью взялся за детскую песню и через два дня пропел Ирме и ее папе «Зачем, зачем, я не знаю, зачем кричат попугаи». Ирма и папа остались довольны.

С тех пор я увлекся детской песней. Много работал с хором, написал мюзиклы для ребят, «Приключения Нильса», «Трое против Марабука», «Аз, Буки, Веди...». Не исключено, что сделаю музыкальную пьесу по нескольким сказкам Андерсена.

Людам всегда хочется радости, и без юмора жизнь неполноценна, и, может быть, поэтому стали популярными мои самые жизнерадостные песни. Как выражается юмор в музыке? Конечно, готовых формул нет. Он может проскальзывать в бойком танцевальном ритме, улавливаться в особом тембре звучания инструментов, например, «расстроенный рояль» или «квакающий тромбон». Забавны мелодии пародийного характера. Очень важны слова... Помните, «Хмуриться не надо, Лада...», «Вместе весело шагать...», «Почему я веселый такой...», наконец, «Умчитесь прочь, мои печали...».

То же самое повторяю я себе, принимаясь за веселую песню, хотя не исключено, что тревоги и печали нагрянут непосредственно после ее рождения. Ведь написать песню — это еще полдела, главное — доказать, что она достойна исполнения.

Например, «Песенку крокодила Гены», ставшую впоследствии очень популярной, я написал быстро. Мы с режиссером Качановым до позднего вечера резались в шахматы, и, когда вконец вымотались оба, он сказал: «А теперь сочини песенку для крокодила». Я одним пальцем что-то наиграл. «Не то», — зарезал мелодию

Качанов. Отверг он и несколько других музыкальных фраз. «Неужели тебе подойдет такой примитив?» — рассердился я и наиграл канву будущей «Песенки крокодила Гены». «Это то, что надо!» — обрадовался режиссер.

С худсоветом дело обстояло сложнее.

Комиссия настороженно вслушивалась в каждый звук и слово, будто мы переложили на музыку не детские стишки, а описание устройства засекреченной межпланетной станции. А в другой раз, когда я явился на худсовет с «Дроздами», мне ответили:

— Вы слышали, как поют дрозды? Во второй части запева они у вас поют неубедительно. Надо переделывать.

Я уже говорил, что спорить с ответственными лицами не умею, а потому отправился домой и сел за рояль. Мучился несколько дней, но мои «Дрозды» пели по-прежнему, не считаясь с мнением авторитетных критиков. Тут позвонили из музыкальной редакции радио. Оказалось, им срочно была нужна песня, и «Дроздов» пустили в эфир без подчистки. Слушатель, не подозревая, что звучит не одобренная компетентным советом мелодия, подхватил песню на следующий же день.

Если спросят, чье мнение для меня весомей: фабричной девчонки или музыковеда почтенных лет, — я отвечу: девчонки! Ведь песни пишутся именно для того, чтоб их распевали девчонки, а не хор музыкальных критиков.

Я состою членом многих жюри, худсоветов, комиссий и, присутствуя при очередном прослушивании, всегда стараюсь быть максимально доброжелательным. А чем мы рискуем? Если песня не удалась, она умрет сама по себе. А брать на себя роль душителя новой песни никогда не отважусь.

Тем более, что по себе знаю, как порой мучительно трудно придумать песню. Стихи к песне «Травы» были мной отобраны из целого вороха сочинений автора-любителя. Я сел за рояль, но мелодия не шла. Конечно, несколько музыкальных фраз я сочинил, но критик, который гнезился во мне самом, отчаянно противился. Я перечитал стихи. Там была такая строка — «...все хлеба созрели, и колосья гнутся...». «Какой-то отчет председателя колхоза, а не песня!» — подумал я. Убрал «хлеба» и «колосья». Напрасно, мотив не идет... И вдруг после переигранных бесконечных вариантов озарило! «Травы, травы, травы...» Повтор, придуманный мною вначале, потянул за собой всю мелодию. Дальше было легко... Песня понравилась мне, полюбилась она и было слушанию.

Я вообще разделяю мнение широкой публики. Мне нравятся поэты, которым симпатизируют все: Михаил Матусовский, Лев Ошанин, Роберт Рождественский, Сергей Островой, Михаил Танич, Эдуард Успенский, Владимир Харитонов, Михаил Пляцковский и Михаил Львовский. На их стихи я пишу песни. Мне нравятся самые популярные певцы: Пугачева, Лещенко, Кобзон, Леонтьев, Валерий — удивительно работоспособный певец. Кроме того, очень обязательный и точный человек. Никаких капризов и диктата эстрадной «звезды»! Мы с ним подготовили гражданскую песню «Наедине со всеми», которая вошла в последнюю программу Леонтьева.

Если у меня будет выбор, куда пойти вечером — на концерт симфонической музыки или эстрадного представления, — выберу классику. Эстрада — это моя работа, а классика — отдых. Обожаю Моцарта, Бетховена, Чайковского.

...Стемнело. Плотник так и не явился.

ВАРИАЦИЯ № 3

— А если за ним съездить на велосипеде? — не мог смириться Владимир Яковлевич. — Впрочем, уже поздно.

Композитор расстроился. Шаинский — обязательный человек, и чужая расхлябанность действует на него, как фальшивая нота.

— В детстве я мечтал стать строителем, — сказал он. — Если бы я им стал, то у меня не было бы проблем с дачей.

Пора было прощаться...

— Владимир Яковлевич, последний вопрос. Ваши пожелания читателям «Крокодила»?

— Я бы хотел, чтобы они всегда оставались читателями вашего журнала. Что это значит? Это значит, что я им желаю сохранить чувство юмора, поскольку человек, не потерявший способность смеяться, как правило, оптимистичен и здоров. Итак, я желаю, читателям «Крокодила» быть здоровыми!

Автограф взяла И. СКОРОБОГАТОВА.

ПРИМЕЧАНИЕ. Корреспондент Крокодила благодарит неявившегося плотника за предоставленную возможность беседовать с композитором без антракта.

КРОКОДИЛИНКИ СЕМЕЙНЫЕ

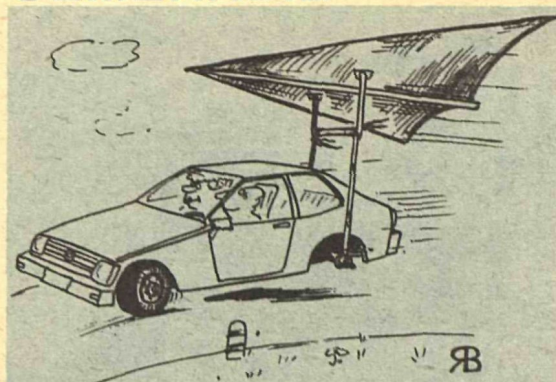

Рисунок В. ЯКОВЛЕВА.

Рисунок А. ПОМАЗКОВА.

Рисунок О. ЭСТИСА.

— Учи, Клава, моя заначка — для тебя нетрудовой доход.

Рисунок В. ВЛАДОВА.

— А говорил, вчера выпил только кружку пива.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

КУРОК-ПЕСС

НА
НУЛЕ

Многим, наверное, приходилось когда-нибудь начинать с нуля. Именно с этого круглого числа начали в апреле 1985 года и работники ОКСа облпотребсоюза, взявшись за строительство колбасного цеха в г. Калининске Саратовской области.

Собственно, приняться за нулевой цикл — закладку фундамента — настоятельно потребовали другие числа, обозначающие более тридцати единиц дефицитного импортного оборудования, выгруженного в чистом поле. Запланировано было эффектно: югосла-

— Довел Петрович птицеферму...

— Почему же вы решили поступить именно в наш, пищевой институт? — мягко и вкрадчиво спросил председатель приемной комиссии.

Абитуриент — паренек с длинными неловкими руками и длинной, украшенной острым кадыком шеей — осторожно оглядел всех преподавателей, рассевшихся за широким столом, и неопределенно пожал плечами. Явился он к преподавателям с картонной коробкой, перевязанной шпагатом. В коробке что-то изредка шуршало, и абитуриент, стеснясь, задвинул ее теперь под стул ног.

Евг. ОБУХОВ

— Ага. Я со школы еще здорово фольклором, а особенно сказками увлекался.

— Сказками... — как эхо, повторила преподавательница черчения.

— Потом надоело — на архитектурный перешел. Два семестра типы жилищ изучал...

— И что, выгнали? — посочувствовал председатель комиссии.

— Зачем? Сам ушел. На биологический. Гены, мутации, наследственность и выведение всяких там новых видов...

— Ясно, — заключил тот, — а теперь, выходит, к

Рассказ

НА КУРЫХ НОЖКАХ

— Да вы смелее! — с пионерским задором подсадила старенькая преподавательница черчения, переживавшая за каждого поступающего. — Не тушуйтесь. Это же не экзамен, а только собеседование. Ну?.. Может быть, вы мечтали о нашем вузе с детства? Так ведь?

— Вот-вот! — поддержал ее молодой бородатый доктор наук с кафедры технологии. — Книжки по специальности взалб читал, да? Ночей, небось, не спал, о производстве грезил? Правильно я говорю?

— Из родственников, может быть, кто-то есть потомственный? Наверное, они посоветовали, а? — с надеждой добавил председатель комиссии.

Абитуриент вздохнул и покачал головой.

— Не-а... Честно говоря, я и об институте-то вашем только месяц назад подумал. Раньше-то я один курс на филфаке проучился.

— На филфаке? — разочарованно спросил доктор наук с кафедры технологии.

нам. Там, выходит, три года пробздельничали, а теперь к нам?

— Ну почему же сразу — пробздельничали? — обиделся абитуриент. — Я же все усвоил, что проходил. И на филфаке, где фольклор-то, и на архитектурном про жилища, и на биологическом про новые виды тоже. Вот!

И он медленно развязал шпагат на коробке, неуверенно высыпал ее содержимое на стол. Мужчины ахнули, женщины побледили.

По столу, энергично царапая полировку желто-розовыми коготками, разбежалось полтора десятка маленьких — с кулак величиной — избушек на курьих ножках.

— Вот... — повторил абитуриент, не забывая заботливо отпихивать шустрые избушки от края высокого стола. — Вывел...

Одна избушка подбежала к председателю комиссии и встала к нему передом. Тот проглотил тягучую слюну, опасливо почесал избушку пальцем под ее

крышей и с чувством облегчения вытер вспотевший лоб платком.

— Эт-то, конечно, да... — изрек он. — Но к нам?.. У нас же пищевой институт! Зачем же?!

— Простите, ну как это зачем? — фальцетом воскликнул абитуриент и убежденно закончил: — Надо что-то придумывать, ведь они который день ничего не едят!

— Что вы говорите... — озабоченно и сочувственно отозвался председатель комиссии. — Тогда, может быть, вам лучше перейти в медицинский?

Комиссия молчала. Абитуриент тихонько свистнул, и все избушки сбились в кучку. Тот сгреб их обратно в коробку.

— Не знаю... — ответил он из дверей. — Попробую и в медицинский. А вообще-то я с детства дресировщиком хотел быть...

Дверь захлопнулась. Комиссия стала понемногу оживать.

— А что, — сердобольно заметила преподавательница черчения, — кажется, способный мальчик?

— Это уж да уж... — согласился председатель. — Ну, какие еще будут мнения?

— Я думаю, нам такие нужны, — сказал бородатый доктор наук с кафедры технологии. — Я, помнится, в детстве и юности тоже эликсир вечной молодости изобретал. А теперь уж и не вспоминаю... И этот мечтатель. Выучится, никуда не денется, в какое-нибудь КБ пойдет. А там такие прокладки для пищевого оборудования чертить станет — цены ему не будет! Есть в нем, старики, что-то от будущего ученого! Я так думаю...

вский модуль колбасного цеха должен был быть готов к сдаче во втором квартале 1986 года. Однако... через год готов был к сдаче только фундамент. «Хоть что-то!» — вздохнула компетентная комиссия и уже собралась было его принять. Только пока копались, фундамент взял да и... затонул! Попросту развалился и погряз в болотистой почве. Смотрит комиссия — перед ней то же чистое поле, а в поле уже несколько поблекшее под среднемесячными осадками оборудование.

— Начнем с нуля! — оптимистично решил начальник ОКСа В. А. Голованов. И, заплатив рабочим деньги за разборку и частичное спасение утопших стройматериалов, дал команду к началу новой закладки. Обошли строители гиблый участок и по другую сторону колбасного оборудования опять-таки активно включились в нулевой цикл.

Но на этот раз решили глубоко не копать по причине зловредной топки почвы. Прибывшая во второй раз комиссия была соответственно во второй раз удивлена. На этот раз фундамент не тонул. Он почти что... парил над землей — традиционного «заглубления на полтора метра» не оказалось.

Главный инженер СМУ Г. И. Бубликов, заглубленно вздохнув, родил новый акт — о разборке фундамента и переносе его на новое место.

Снова были закрыты наряды на оплату разборных работ. Снова открыты наряды на работы по нулевому циклу...

Увы, что касается ценнейшего оборудования, то от обилия нарядов оно краше не стало. Вот поэтому я, член этой самой дважды удивленной комиссии, и обращаюсь к тебе, дорогой Крокодил: как наконец решить эту фундаментальную проблему?

А может, если решат строители в четвертый раз начать с нуля, ограничить их зарплату именно этим круглым числом?

**В. ПРОКОФЬЕВ, инженер,
Саратовская область**

**ПО РУБЛИКУ,
ПО РУБЛИКУ...**

— Открытки, календари, сонники, — вкрадчиво шепчут они, веером раскидывая перед скучающими в дальней дороге пассажирами свое фоторемесло. — Недорого, по рублику.

Увидя заинтересованный блеск в глазах некоторых не особо разбирающихся в искусстве граждан, подсовывают им тут же натренированным жестом и «фотоклубничку».

С таким предпринимателем встретился наш читатель В. Парфенов, когда ехал до Горького в поезде № 115.

Только в текущем году органами внутренних дел, сообщил редакции на письмо В. Парфенова начальник Главного управления внутренних дел на транспорте МВД СССР В. Свистунов, на Московской, Горьковской и Свердловской железных дорогах за сбит фотопроизведений кустарного производства задержано более 40 человек, половина из них привлечена к уголовной ответ-

ственности. Среди фотокоробейников есть и свои рекордсмены. Назовем одного из них: житель г. Гремячинска Пермской области Ярчак. У него было изъято около тысячи календарей и открыток, которые он изготовлял и сбывал в поездах.

Работа по пресечению подобных правонарушений неуважаемых кустарей продолжается.

Не сомневаемся, что она бы стала куда эффективнее, если бы к ней подключилась едущая в поездах общественность.

**ЧЕРТ
В ТРУБЕ**

Однажды в Москве, на Севастопольском бульваре, забил фонтан. Между домами №№ 27 и 29 асфальт разверзся, и из-под него со свистом ударила вверх струя горячей воды и пара. Прибывшие на аварию слесари-водопроводчики заточили струю в железную трубу.

Но через два дня свист донесся с чердака дома № 29, и горячая вода полилась, промолив все пять этажей с верхнего до нижнего. Был ли это отгослок того же фонтана или новый термоисточник, осталось невыясненным. Но поскольку свист стал периодически повторяться и всякий раз сопровождался горячим душем, жильцы поспешно упаковали от намочения пожитки и стали забрасывать письмами Севастопольский райисполком.

Пять с лишним лет свистел на чердаке термоисточник и велась переписка с райисполкомом, но за это время фонтан не только не образумился, а разбушевался пуще.

— Не волнуйтесь, граждане, — успокаивали жильцов слесари-водопроводчики, — пятен, которые нельзя было бы вывести, в природе не существует. Надо только заглянуть в вентиляционные трубы и посмотреть, какой черт там все перекрыл. Вот ежели добьетесь капремонта дома, вскроем потолочное покрытие, разберем крышу, тогда и причины вскроем и ликвидируем с такой же легкостью, как паутину.

Эта мысль, похоже, заинтересовала руководителей районных служб. Только в течение одной недели в самых страдающих квартирах №№ 17 и 18 побывали заместитель председателя райисполкома Кирюшин, начальник отдела благоустройства исполкома Гайкович, инженер производственного отдела ПЖРО Казаков и другие официальные лица. После чего исполком в самом деле решил поставить дом на капитальный ремонт.

Но в таком случае надо жильцов хотя бы некоторых квартир переселить. А о переселении в Севастопольском райисполкоме и слышать не хотят. Формулировка отказа столь же тонкая, как и неясная: решение о капитальном ремонте, мол, принято не в связи с жилищным вопросом, а в целях сохранения жилого фонда. Однако ремонта нет, а если и предвидится, то где-то в будущем году.

А горячий источник продолжает функционировать. Кое-кто из жильцов перестал ездить на термальные воды.

Г. АЛЕКСЕЕВ.

**Пусть
неудачник
платит?**

Во сколько вам обойдутся сапоги — зависит от того, где они покупаются. Если в магазине — одиннадцать рублей, а если, скажем, через Посылторг, то надо оплатить еще стоимость пересылки. Это, так сказать, правило. Но там, где правило, недалеко и до исключения из него.

Например, житель Псковской области Ю. Сорокин обратился с просьбой на базу Посылторга в г. Ростов-на-Дону выслать ему резиновые сапоги. «Получил я просимые сапоги, — пишет он, — оплатил их стоимость и пересылку — около двух рублей. Но в посылке оказались два сапога на одну ногу. Пришлось их отправить обратно в Ростов. Месяца через три после неоднократных напоминаний мне прислали другие сапоги, уже подходящие. Почтовые расходы опять оплатил я. А почему? Пусть бы платил из своего кармана тот, кто отправил негодную посылку».

Рисунок В. ШКАРБАНА.

МИМОХОДОМ

Только незнание жизни помогает нам одолевая ее сложности.

Преимущество дураков заключается в том, что они никогда не скучают без умных.

Геннадий МАЛКИН.

Диск-жокей отличается от жокея тем, что он — смотрит, а скачут остальные.

Смелость города берет. Кто постеснительнее, тот в деревню по распределению едет.

В. ЧИПУРИН, Приморский край

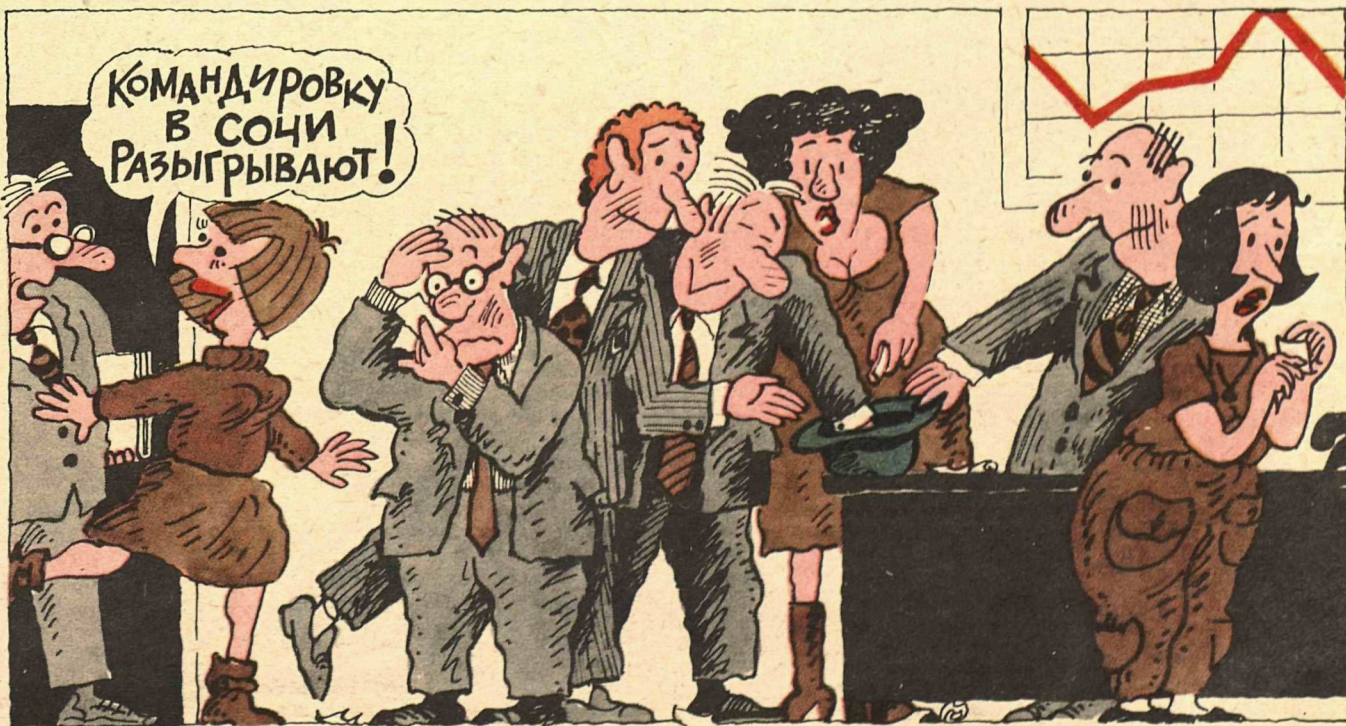
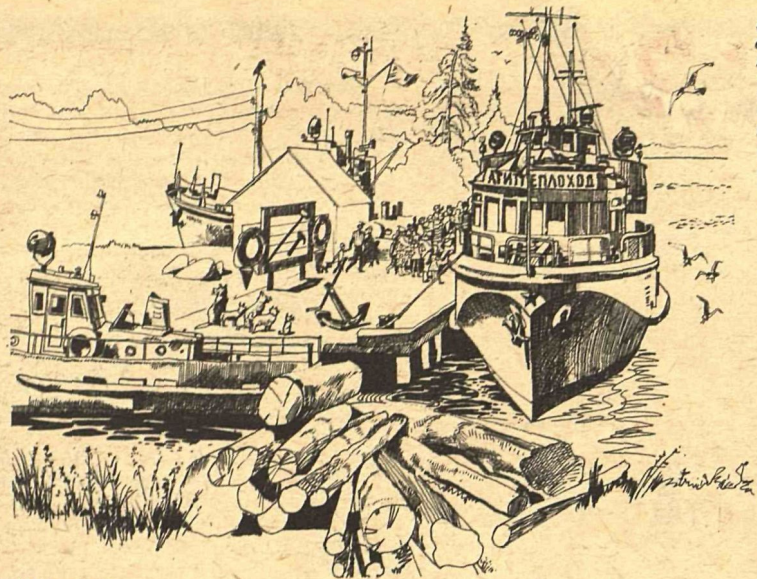
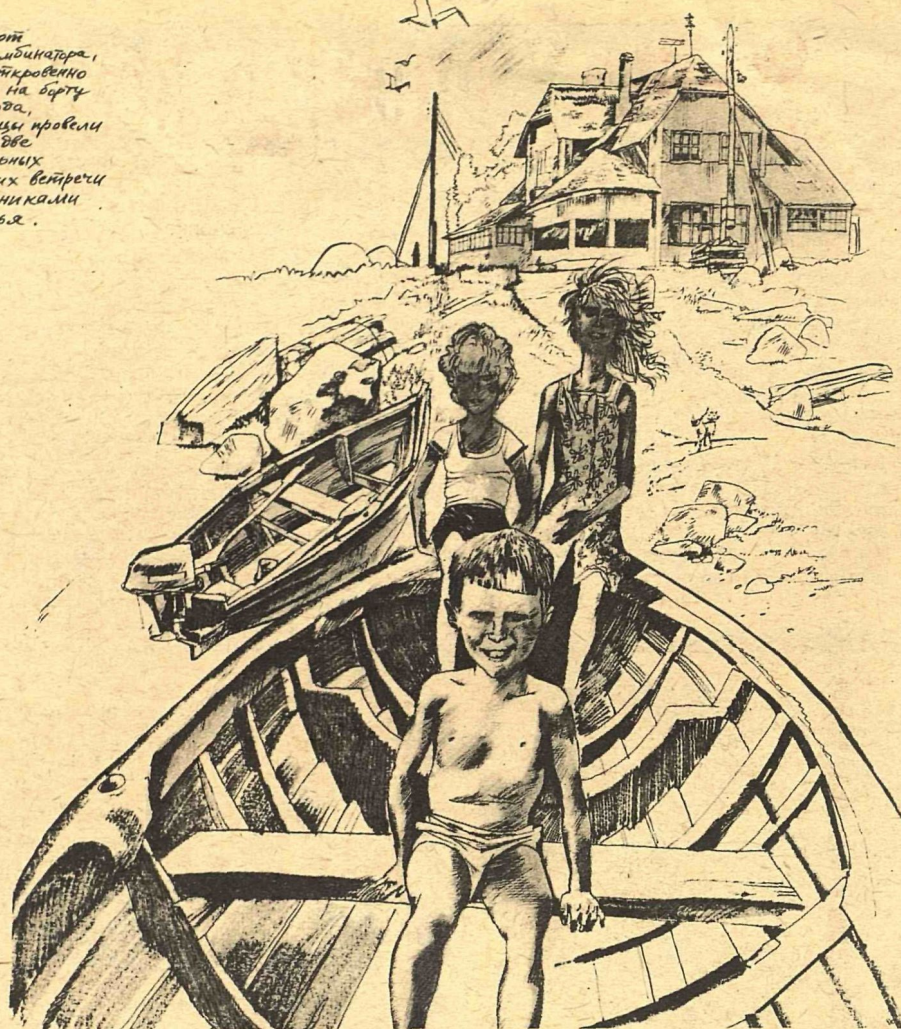

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

В отличие от
большого комбинатора,
который откровенно
халтурит на борту
агитпарохода,
крокодилы провели
тридцать две
плодотворных
шведских ветречи
с труженниками
Пронезжского.

Трое в одной лодке, не считая собаки на берегу.

ВИЛЫ И ТРЕЗУБЕЦ

Свыше четверти века бороздит акваторию Балтийско-Онежского пароходства маленький трудяга — агиттеплоход «Спутник». С мая по октябрь, то есть практически всю навигацию, «Спутник» курсирует по Онежскому озеру и Беломоро-Балтийскому каналу, останавливаясь в крошечных населенных пунктах, в таких маленьких, где технически сложно да и нерентабельно возводить стационарные учреждения культуры. Поэтому легко представить воодушевление жителей леспрохозов и шлюзовых поселков, когда у них появляется плавучий клуб. Словно магнитом притягивает он к себе всех, от мала до велика.

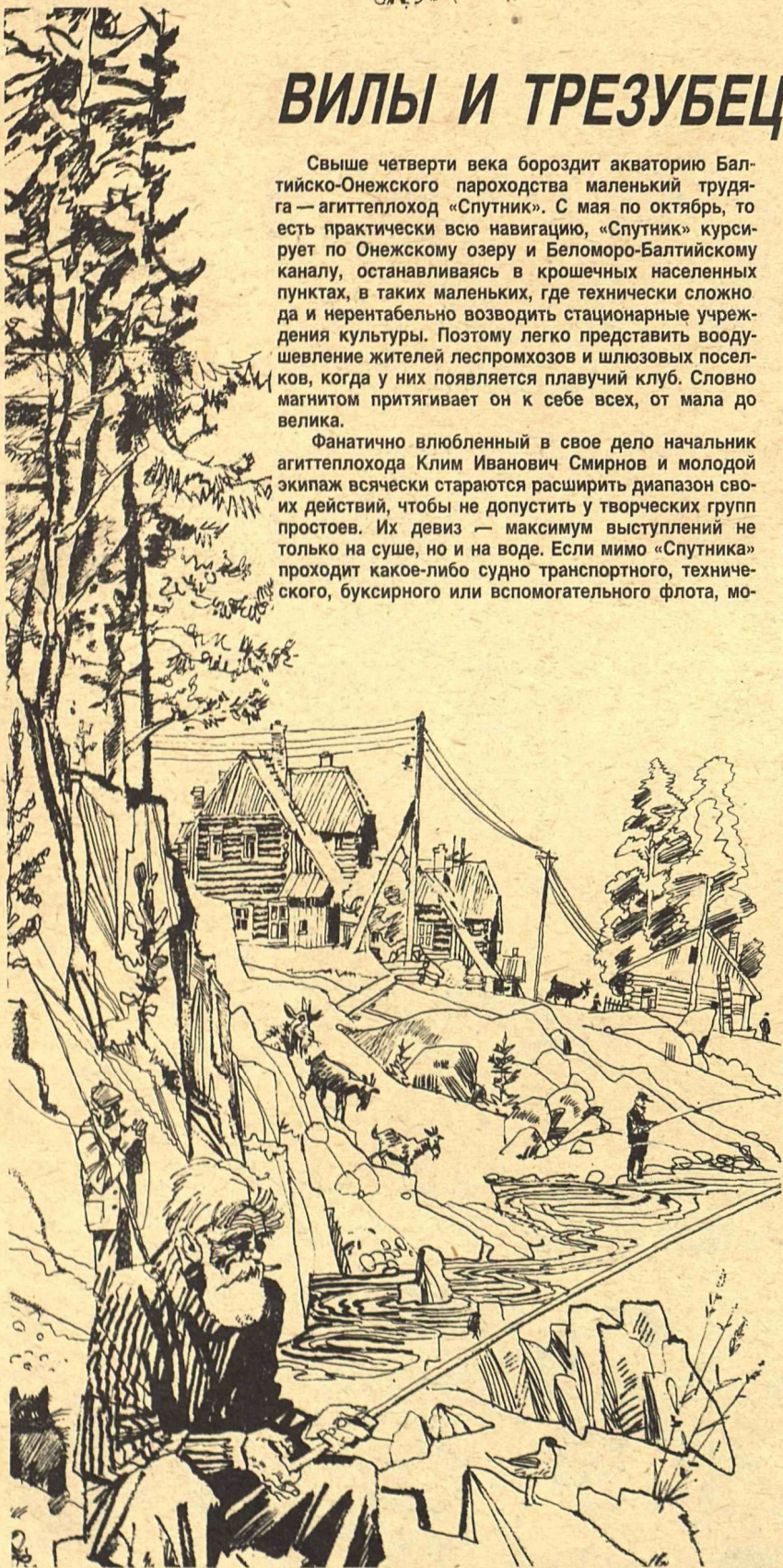
Фанатично влюбленный в свое дело начальник агиттеплохода Клим Иванович Смирнов и молодой экипаж всячески стараются расширить диапазон своих действий, чтобы не допустить у творческих групп простоев. Их девиз — максимум выступлений не только на суше, но и на воде. Если мимо «Спутника» проходит какое-либо судно транспортного, технического, буксирного или вспомогательного флота, мо-

ментально устанавливается радиосвязь, после непродолжительных переговоров суда сближаются, и творческая группа переходит на встречное, где выступает перед командой. А потом догоняет «Спутник» на каком-нибудь попутном теплоходе. Естественно, и на нем выступая. Ведь каждая команда подолгу находится в рейсе.

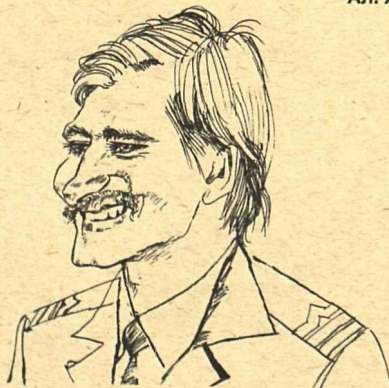
У дотошного читателя может возникнуть вопрос: раз этот агиттеплоход такой хороший, то чего ради за него взялся «Крокодил»? А дело в том, что недавно «Спутник» стал временным филиалом, так сказать, веселого цеха. На его борт были приглашены сотрудники журналов «Крокодил» и «Юность». Как очевидец события свидетельствую — во время этого двухнедельного рейса от Петрозаводска до Белого моря трезубец Нептуна и вилы Крокодила были полными союзниками.

Так сложилось, что ни у одного из участников нашей творческой группы не оказалось при себе фотоаппарата. Однако большой беды из-за этого не произошло. В некотором роде функции фоторепортера добровольно взвалил на свои могучие плечи главный художник «Крокодила» Владимир Мочалов. Впервые оказавшись в Карелии, он сразу был пленен гостеприимством ее людей, красотой природы и почти все свободное время одержимо проводил за рисованием. Известно, что от любого фотографа снимков дожидаться не скоро. Пока он их еще напечатает! А рисунки художника — вот они, без всякой волокиты.

Ал. ХОРТ.

Некоторые бывалые туристы называют Карелию
Северной Швейцарией, но местные жители
предпочитают называть Швейцарию Южной Карелией.

Старый озерный волк —
шведский миллионер
штурман Виктор Лушко.

Здесь будет
город замечен!
Петрозаводск
остановит
кто, эта проза
относилась
и к его городу.

У Тотоши и Кокоши

Девочки 4—5 лет рассматривают картинки животных. Одна говорит: — Кенгуру носит своего ребенка в сумке! — А моя мама, — заявляет вторая, — носит в сумке мою фотографию.

Прислал А. ГОРОШКО,
Молдавская ССР.

Таня (ей 4) делится со своей подругой: — Сегодня наша бабушка всю ночь не спала. Ее мучила бессонница.

Прислал А. АНИСЕНКО,
г. Кузнецк.

Маше три года. Ее мама поет песню: «Была девчонка я беспечная...» Дочка удивляется: — У тебя что, печки не было?

Прислал М. КУПРИАНОВ,
г. Новосибирск.

Трехлетний Вовик приносит опавший лист с герани и грустно говорит: — Смотрите, в большой комнате уже осень началась...

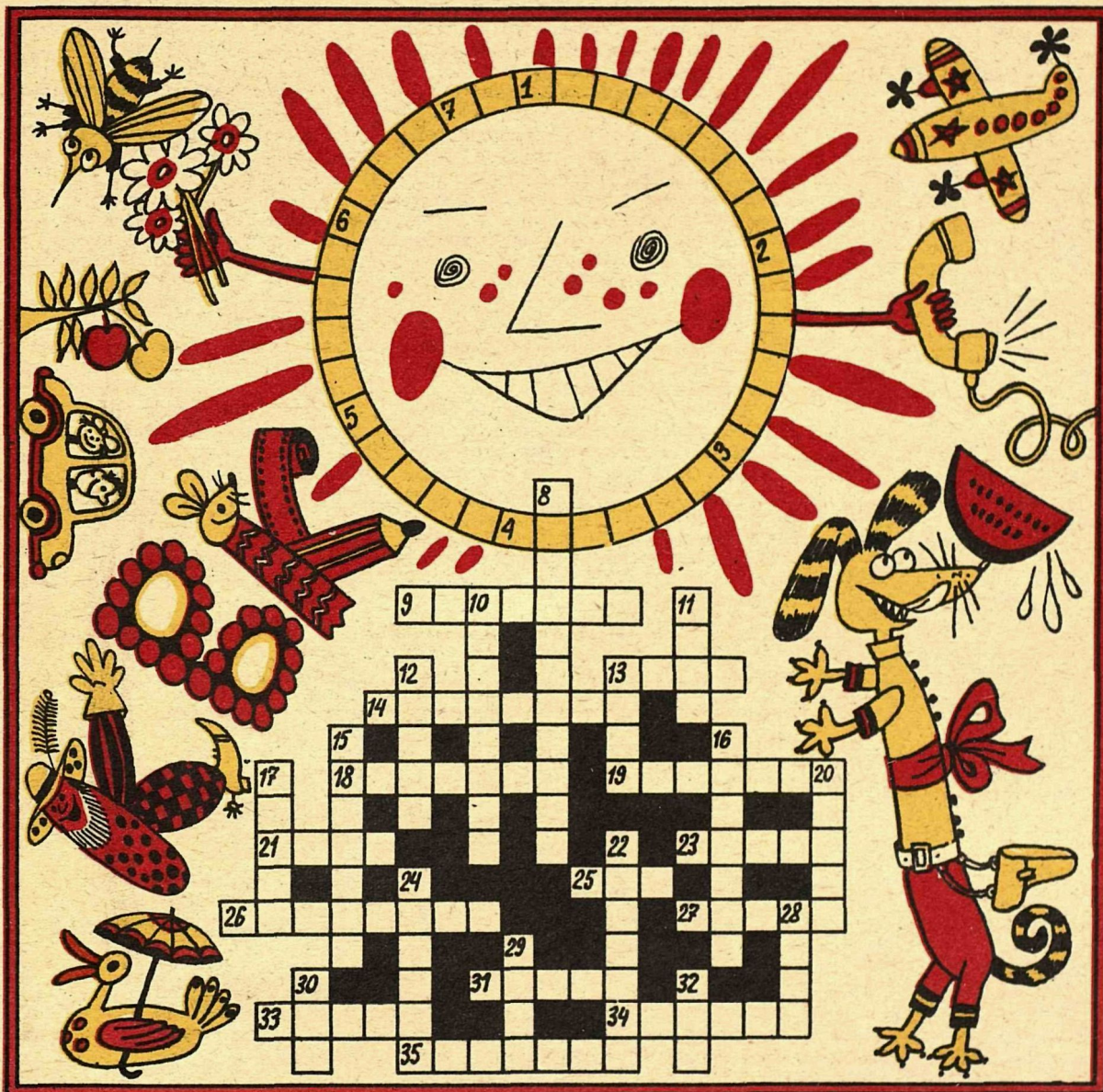
Прислала О. БАКЛАНОВА,
Челябинская область.

Косте 4 года. Во время обеда ел, ел и остановился. Я спрашиваю: — Ты почему не ешь? — Я заглох, — отвечает.

Прислала В. ФЕОКТИСТОВА,
г. Москва.

Спрашиваю своего четырехлетнего сына: — Сережа, ты, когда вырастешь, кем станешь? — Дядей Сережей...

Прислал Н. ЗАЙЦЕВ,
г. Киев.

ПО КРУГУ: 1. Что папа, когда спешит на работу, заглатывает на ходу? 2. У кого одна ножка, одна макушка и много ручек? 3. Кто в середине яблока спрятался? 4. Домик для игрушечного пистолета. 5. Магазин, где болезнями пахнет. 6. На мяч похож, а внутри сладкий. 7. Сначала шатается, потом падает, хотя и не пьяный.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Непродышалька. 13. Медовый теремок. 14. Вверхолет. 18. Говорящая звонилка. 19. Ружье, которое трещит. 21. При помощи чего голову мылят? 23. Без чего чижика не бывает? 25. Кто живет в лампочке? 26. Старый дядя, про которого поет тетя Алла Пугачева. 27. Что пропадает, когда съешь бублик? 31. В чем спал Том Сойер на острове? 33. Чем

Тотоша тузил Кокошу? 34. Бумага для самоделок. 35. Где летом Дед Мороз живет?

ПО ВЕРТИКАЛИ: 8. Кто стоит на кухне и трясется от холода? 10. Светофор. 11. Чем кутала ноги бабушка Бонифация? 12. Вещь, которой Баба-Яга дворника напоминает. 13. Крякалка. 15. Соревновательное поле. 16. Змеево отчество. 17. Лошадка, которая раньше — бурки. 20. Собака-тянучка. 22. Подкладка под ушко. 24. Подруга сыщика Моркоу. 28. Жираф на стройке. 29. Завязка, чтоб не потерять ленту. 30. Кто такой Чиполлино? 32. Цифра, которая любит командовать.

Составил И. КЮНАВИ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 30

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Фантаст. 6. Васья. 7. Матрос. 10. Труба. 12. Крыло. 14. Букет. 15. Балалайка. 18. Кирка. 19. Лассо. 20. Книга. 22. Улыбка. 23. Прокол. 24. Камбала.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Аскет. 3. Слава. 4. Ландыш. 5. Сорока. 8. Будильник. 9. Скрепка. 11. Стрелок. 13. Осада. 14. Бокал. 16. Кресло. 17. Оселок. 20. Кукла. 21. Аврал.

Знакомые все лица!

Михаил УЛЬЯНОВ

Теле, радио, сцена, гастроли, Репетиции — только держись! Кинопробы и новые роли... Остальное — «Частная жизнь».

Б. НИСОНОВ.

Дружеский шарж К. КУКСО.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Мой сосед до того обнаглел, что он меня обвиняет даже в том, что ворона, сидящая на моей крыше, каркает в его сторону. А моего бедного черного кота, который еле-еле ходит и плохо видит (ветврачебная справка прилагается), обвиняет в истреблении его цыплят».

(Из заявления).

Прислал В. Махотлов, г. Нальчик.

«У условно осужденного Данилова О. П. нет недвижимого имущества, поэтому он не подлежит конфискации».

(Из справки следователя).

Прислал Д. Хамитов, г. Уфа.

«В других цехах есть «Доска именинника». Идешь — кто-нибудь да висит, имениннику приятно. Надо внедрить это в нашем цехе».

(Из выступления на профсоюзном собрании).

Прислала Н. Старцева, г. Барнаул.

«Тов. жильцы! 16 июля 1986 г. будет производиться травка мышей только с жильцами».

(Объявление).

Прислала Т. Бунина, г. Ставрополь.

Борис БРАЙНИН

ПАРОДИИ

Фотогеничный заяц

(Юрий Левитанский)

В субботу, двадцатого мая,
По Гринвичу в восемь часов,
Гармонии мира внимая,
Я шел покупать фталазол.

Меж тем на трамвае девятом,
С актрисами ночь прокутив,
Страдающий печенкою заяц
С «Мосфильма» катил, примитив.

Он был до того авантажен,
Но где-то по-доброму мил,
Как будто бы роль в эпизоде,
А также аванс получил.

Но здесь перебив кинокадра:
Родной подмосковный простор,
На поезде движется в Тулу
Известный один режиссер.

Вот он на вокзал прибывает,
Заходит в большой магазин,
Большое ружье покупает,
Садится в большой лимузин.

Здесь снова меняются кадры:
Герой продолжает страдать.
А мне ассистент режиссера
Винчестер дает поддержать.

И зрители видят с экрана,
Как в этот момент роковой
Свершилась кошмарная драма —
Погиб незаметный герой.

И слышится голос за кадром
Актера Зиновия Г.:
— Он был настоящим мужчиной,
Она — генеральская дочь.

Бывали ль вы?

(Яков Козловский)

Дорогие посетители,
Зоопарк не посетите ли?
Там живет один жирафик
Цветом просто рыжий «рафик».
А еще косою лемуру,
У него с лисой «ля мур».
Вот семейство антилоп,
И у каждой антилоб.
Вот крольчонка съел удав,

Организму пользу дав.
А пантеры из засад
Озирают зоосад.
Вой, мяуканье, шипенье,
Мне не надо краше пенья...
Вообще бывали ль вы
Там, где подвывали львы,
Где полно козлов и яков,
Где бывал Козловский Яков?

В созвездии Вегина

(Петр Вегин)

Мальчики были
паиньками,
Стали однажды
папеньками.
Ловят свою жар-птицу,
Чтоб под горчицу съесть.
Девочки были

маленькими,
Стали случайно
маменьками,
А потому, художники,
Кушайте то, что есть.
Курортные автоматки,
Хрипящие, как астматики,
Я без тебя, любимая,

Как без монокля Швейк...
Туманное Шереметьево,
Диспетчер, пошире меть его,
Чтоб беловшейку шуйскую
Я одарил, как шейк.

О городские папеньки,
Не надо нам ставить памятники,
А рядом с бульваром Рождественским
Разбейте Вегинский сквер.
Стою под звездой московскою
На площади Маяковского
С томиком Вознесенского —
Андреевский кавалер.

Грибная солянка

В вечерний час к себе домой
Я еду в полной электричке.
Рыжеют звезды надо мной,
Как будто ранние лисички.

Друг другу каждый здесь знаком:
Вот, Ньюрку обхвативший за бок,
Андрюха — дуб дубовиком,
Хоть, говорят, большой обабок*.

А рядом древний старичок
С белянкой-бабушкой судачит.
Дедулю прохватил сморчок:
По-городскому насморк, значит.

*Обабок — то же, что подберезовик.

Грибы пошли. Моя пора...
...восходит гриб...
...Как подосиновика срез —
В окне стремительно темнеет.
Н. ДМИТРИЕВ

Там смех, там робкий поцелуй,
И так отрадно и блаженно,
Как будто мне про гриб валуй
Поэму заказала «Смена».

И вдруг... Тыфу, пропасть—контролер.
Фуражка сбилась на макушку,
Опять мне этот мухомор
Большую подложил свинушку.

Он Блока знает наизусть,
А я ему не нужен даром...
Плетусь домой. На сердце — груздь:
На штраф ушло полгонорара.

РАЗНЫХ ШИРОТ

УЛЫБКИ

Вилли БРАЙНХОЛЬСТ
(Дания)

МЫ ОЧЕНЬ РАДЫ

Недавно мы получили письмо от тети Дагны, которая живет в другом конце нашей страны. Она писала, что скоро навестит нас. А тетя Дагна — это, я вам скажу, штучка. Тот еще фрукт. Нашей тихой жизни грозили большие перемены.

Тетя сообщала, что пробудет у нас дней десять и мечтает посмотреть наш маленький домик. Кроме того, она хочет заказать в нашем городе новые челюсти, а для этого, как известно, нужно очень много времени.

— Напиши тете Дагне, что мы будем очень рады ее видеть! — сказала мне Марианна. — Напиши ей милое и сердечное письмо!.. Когда напишешь, обязательно дай мне прочитать!

Я взял ручку, бумагу и начал:

«Дорогая тетюшка Дагна!

Как хорошо, что Вы нас еще не совсем забыли и собираетесь навестить. Самая большая комната в нашем доме предназначена специально для гостей и сейчас пустует, если не считать того, что наш Бенни держит в ней своих беленьких мышек и хомячков. Они такие юркие, что легко ускользают от кошки и часто радуют нас, забавно бегая наперегонки по коврам и кровати. Они, конечно, еще маленькие и шаловливые, но к Вашему приезду подрастут. Вам с ними будет очень весело.

А Бенни, когда узнал, что Вы собираетесь приехать, тоже очень обрадовался: «Наконец-то тетя Дагна послушает мои новые диски! Я включу специально для нее свой усилитель на полную мощность!»

И еще он сказал: «В субботу мы обязательно пойдем на футбол с тетей Дагной, чтобы она смогла немного передохнуть».

Кстати, Бенни с утра до вечера по

спецкурсу учится играть на ударных, и, если Вы не возражаете, дорогая тетя, он будет наяривать в Вашей комнате, поскольку мальчик считает, что там очень хорошая акустика.

А Марианна, когда прочитала Ваше письмо, просто расцвела. У нее накопилось столько работы по дому, что она с ней без Вашей помощи не управится. А сообща вы быстро все сделаете. Кроме того, у Вас будет много времени для походов в магазины. Откровенно говоря, мы ждем Вас, дорогая тетя, с нетерпением! Мне кажется, что десять дней — это очень мало! Мы надеемся, что Вы поживете у нас месяц или два.

В нашем саду растет чудесная трава, и если у Вас, тетя, будет время после работы по дому, Вы сможете ее скосить бензокосилкой. Косилка эта довольно тяжелая, но все равно она облегчит вашу задачу.

До встречи, дорогая наша тетя Дагна! С уважением...».

Я решил, что покажу письмо Марианне, когда она будет занята кухонной работой.

— Будешь читать? — спросил я у нее.

— У меня нет времени, — ответила жена, споласкивая тарелки. — Что ты там написал?

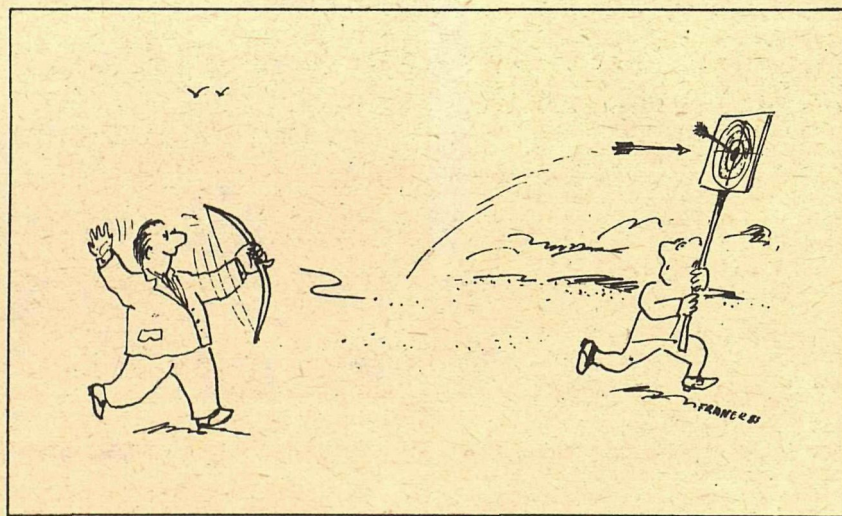
— Я написал, что мы все будем очень рады. Бенни обрадуется, а ты будешь просто счастлива, что наконец увидишь ее. Ни одного плохого слова! Пожалуйста, можешь убедиться! — сказал я и протянул письмо Марианне.

— Нет, не надо! Я верю, что ты все хорошо написал! Лучше иди скорее на почту и отправь письмо! — сказала Марианна.

Я решил отправить письмо заказной бандеролью. Для этого я взял у Бенни одну из его беленьких мышек и хомячка, посадил их в коробку от обуви, сделал там дырочки для воздуха, затем вложил туда письмо и прошептал:

— Держитесь, милые зверюшки, тетюшка Дагна мечтает увидеться с вами!

Перевел А. КРОТКОВ.

«Шпильки», Польша.

Слова, слова...

Надо уметь пожинаать плоды с генеалогического древа!

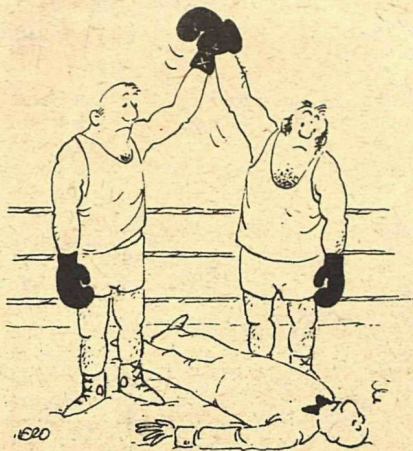
Мудрость бурундийских фруктоводоов.

Что может быть дальновиднее иной близорукости?!

Офтальмологический парадокс древних инков.

Лучше всего загорать в тени вышестоящего.

Парадокс, распространенный среди бедуинов.

«Урзика», Румыния.

— Как твоя семейная жизнь, Фред?
— Скверно. Жена требует от меня развода, поскольку ей кажется, что я не гармонирую с новыми гардинами в гостиной.

Дариуш БИТНЕР
(Польша)

МАСТЕРА

Засорился сток, и вода начала заливать пол в ванной. Агнешка и Адам пригласили слесаря. Он пришел.

— Сейчас посмотрим.— Слесарь сунул голову под ванну и постучал по сточной трубе. Затем он пошуровал ершом в отверстии стока, сказал: «Теперь все в порядке» — и, получив плату за оказанную услугу, ушел.

Сток функционировал нормально, но теперь стала шататься ванна. Адам нагнулся и увидел, что недостает одной ножки.

— Вот гад! — выругался Адам. — Снял ножку и унес с собой.

Ничего не оставалось, как пригласить нового слесаря. Он пришел. Залез под ванну. Агнешка и Адам были начеку. Они рассказали слесарю историю с его коллегой. «Ну, тип», — усмехнулся слесарь. Они не отпустили его до тех пор, пока не осмотрели как следует ванную, потом расплатились с ним, и он, мило улыбувшись на прощание, удалился.

Сюрприз их ждал на кухне.

— Он снял радиатор! — ахнул Адам.

Пришлось снова позвонить в диспетчерскую и пригласить нового слесаря.

Когда он пришел, Агнешка не отходила от него ни на шаг, в то время как Адам ходил по квартире, проверяя целостность инвентаря. Чтобы слесарю не показалось странным их поведение, Адам рассказал ему о поступке его коллег.

— Ничего не поделаешь, — почувствовал ему мастер. — Среди нашего брата бывают разные люди, и за некоторыми из них нужен глаз да глаз.

Поставив на кухне новый радиатор, он ушел.

Желая убедиться что на сей раз все осталось на месте, Адам тщательно осмотрел ванную, кухню, обе комнаты и прихожую.

— Слава богу! — вздохнул он с облегчением. — Ничего не пропало, Агнешка! Ты слышишь? Все на месте. Агнешка, где ты? Агнешка!

Перевел Вл. МИРОШНИЧЕНКО.

Фру Ольсен навестила своего супруга в тюрьме и на его участливый вопрос, не нуждается ли она без него, ответила:

— О, не беспокойся! Награда за твою поимку оказалась настолько велика, что мне ее хватит на многие годы.

— Мамочка, можно рассказать тебе сказку? — боязливо оглядываясь на соседнюю комнату, говорит малыш.

— Ну разумеется, сыночек.

— Жили-были в одном государстве две красивые вазы. Одна упала на пол...

Элегантная дама осматривает машины в автосалоне. Наконец лимузин выбран, и она направляется к кассе.

— Подождите минуточку, — говорит продавец. — Нужно еще поставить свечи.

— А, не трудитесь, — беззаботно машет рукой дама, — я буду ездить только днем.

— Знаете, мистер Джексон, — говорит работник владельцу фермы, — я постоянно испытываю угрызения совести...

— Почему? — настораживается тот.

— Мне кажется, что, работая у вас, я лишаю работы как минимум четырех помеховых лошадей.

Художник-абстракционист жалуется своему коллеге:

— Я попал в глупое положение: дама, портрет которой я сейчас рисую, пожелала, чтобы я ей изменил цвет глаз.

— Неужели это так трудно?

— Еще бы! Ведь я забыл, в каком месте я нарисовал глаза.

— Я всего лишь готовлюсь к летнему отпуску!

«Шпорт унд тото», Австрия.

30-е годы, в США «сухой закон». Чувствуя себя несколько неуверенно, молодой судья звонит более опытному коллеге по поводу своего первого дела.

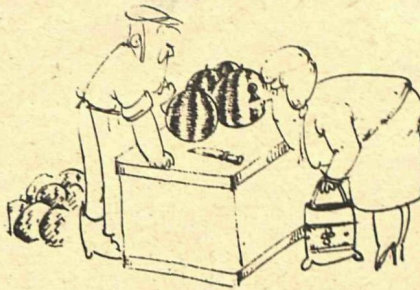
— У меня тут подсудимый обвиняется в контрабандном ввозе спирта. Как вы думаете, сколько ему дать?

— Два доллара за бутылку и ни цента больше!

Престарелые туристы — супружеская пара — присели отдохнуть в римском кафе.

— Ноги не идут, — пожаловалась жена.

— Ничего страшного, Мари, — ответил муж. — Чем дольше ты сидишь здесь, тем древнее будет Колизей, когда мы туда доберемся.

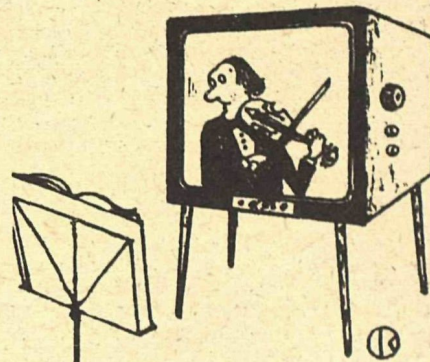

«Стыршел», Болгария.

— Моя знакомая была вчера в театре. Пьеса оказалась настолько скучная, что после второго действия она ушла домой, из-за чего потом был страшный скандал.

— А почему?

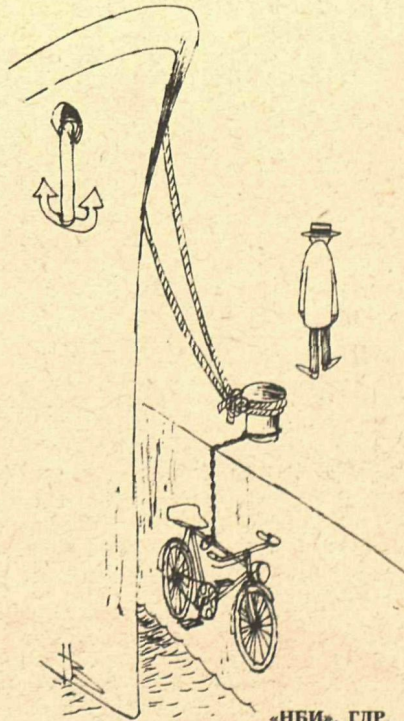
— Потому что она играла в этой пьесе главную роль.

«Луда-Мати», Венгрия.

— Вы только представьте, как вы будете глупо выглядеть, если поедете верхом на корове, — выдает очередной аргумент напористый коммивояжер, уговаривая фермера купить мотоцикл.

— Точно, — соглашается крестьянин. — Это так же глупо, как если бы я попытался подоить мотоцикл...

«НБИ», ГДР.

КРОКОДИЛ

№ 31 (2545)
ноябрь 1986

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора),
А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. МОЧАЛОВ
(художественный редактор),
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ,
С. В. СМЕРНОВ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешин, А. Бавыкин, М. Вайсборд, В. Владов, В. Мохов, А. Помазков, В. Тильман, М. Ушац, Ю. Черепанов, О. Эстис, В. Яковлев.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Наш адрес:
101455, ГСП,
МОСКВА, А-137,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
д. 14.

Телефоны:
250-10-86; 212-21-73.

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА.

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Сдано в набор 30.09.86.
Подписано к печати 08.10.86.
А 02039.
Формат бумаги 70×108½.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 300 000 экз.
(1-й завод: 1—3 150 607).
Изд. № 2702. Зак. № 3838.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил», 1986 г.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС
«Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

УЛЫБКИ

РАЗНЫХ ШИРОТ

ДВА ПОДХОДА

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.